

Война ангелов. Великая пустота

Автор:

[Ник Перумов](#)

Война ангелов. Великая пустота

Ник Перумов

Сказки Упорядоченного #4

Неспокойные времена грядут в благословенной Долине магов. Гильдия боевых магов достигла своего расцвета: заказы из разных миров сыплются один за другим, другие Гильдии требуют сопровождения в путешествиях, а боевых магов на всех не хватает. Однако законы Долины, установленные самими Основателями, запрещают любое расширение. Тогда Ричард д'Ассини, глава Гильдии, призывает изменить закон. Так Клара Хюммель, боевой маг по найму, попадает меж двух огней – в конфликт между своей Гильдией и Архимагом Долины Игнациусом Коппером.

А в это время далеко отсюда молодой ловец магических тварей по имени Эварха получает крайне необычный заказ.

И никому невдомек, что эти события тесно связаны, и приведут они к настоящей катастрофе...

Ник Перумов

Война ангелов. Великая пустота

© Перумов Н., 2019

Пролог

Топот ног за тяжёлой дубовой дверью; топот быстрый – кто-то несётся по ступеням во весь опор.

Сухопарый немолодой человек в очень светлой сутане поднялся из-за письменного стола, ровным шагом подошёл к арчатому входу, спокойным движением отодвинул засов.

– Владыка! Досточтимый магистр!..

– Что такое, сыне? В чём дело, что взволновало тебя? Входи же, входи скорее!..

– Отче, отче магистр, – кадык говорившего судорожно дёрнулся. – Простите меня, недостойного, Спасителя ради... Подземелья, владыка! Подземелья!..

– Так. Спокойнее, сын мой. Разве достойно подобное верного слуги Спасителя? Что стряслось с подземельями?

– Там, там, владыка! Там такое!.. Нестроенье, сила незримая бушует!

Магистр едва сдержал дрожь в пальцах. Случись здесь по-настоящему хитроумный отец Бенедикт, или местный епископ, или, скажем, старый лис, настоятель столичного монастыря святого Огня, – непременно бы это углядели.

И, конечно, насторожились бы.

Потому что все хотят получить обещанное, но даже вернейшие из верных могут дрогнуть.

Однако весть принёс незнакомый монах, молодой, тощий, перепуганный и к тому же заметно робевший высокоучёного магистра, – он, само собой, ничего не

заметил.

Хозяин кабинета не спеша вернулся к столу, смуглые пальцы с преувеличенной аккуратностью переложили перо.

– Как имя твоё, сын мой?

– Брат Антоний, отче, – дрожал новоприбывший. – Послушание своё прохожу в вивлиофике монастырской, хранилище у нас в подземелье, и там – там стены трястись ка-ак почали!.. И по ним, по стенам, то есть – ой, потёки, красные такие, ну чисто кровь!.. Книги сами собой с полок валяются!.. А ещё... вот.

Монах, не смея поднять глаз, протянул магистру обрывок пергамента – неровный, исчёрканный и испятнанный; на таких писцы обычно пробуют чернила с красками.

Посередине обрывок опалило огнём, и в копоты насквозь прожжено было одно-единственное слово: «Гряду».

Магистр повертел листок, и обугленные края букв посыпались на пол невесомыми чёрными хлопьями.

Да. Всё точно. Воистину грядёт.

От пергамента прямо-таки разило Силой. Чистой. Беспримесной. Яростной. Той Силой, которой Спаситель некогда творил чудеса, сойдя в Игнис, той, которая после мученической Его кончины наполняла Его храмы по всей земле.

Той Силой, которую они ждали.

Силой Последних Дней, конца старого порядка и началом совершенного иного бытия для всех.

– Не дрожи так, сын мой, – мягко улыбнулся магистр. – Долг свой ты исполнил, доложил всё как подобает. Скажи теперь – когда это началось? Недавно, так?

– Как к обедне прозвонили...

Магистр кинул мимолётный взгляд в стрельчатое, забранное затейливым переплётом окно – солнце ещё и не начинало клониться к закату. Да, верно, совсем недавно.

– Извещал ли ты об этом ещё кого-нибудь, брат Антоний? Отца настоятеля? Старшего келаря? Или хотя бы первых встречных?

– Н-нет... – задрожал несчастный библиотекарь. – Я ж сразу понял, владыка, дело неотложной важности! Только вы и разберётесь, доброе то знамение или... или... Дни Последние грядут... Знамо ведь, для чего труды все наши да чего ожидаем со смирением...

Ишь ты, «известно ему» да «чего все ждут»...

Магистр, впрочем, ничем не выдал насмешки. Значит, о случившемся ещё никто не знает, ни настоятель, ни кто-то ещё, кроме одного лишь брата Михаэля, нёсшего бессменную стражу у дверей своего патрона – но Михаэль вернее могилы.

И это хорошо, ибо сказано – «в Дни Последние сыщутся нетвёрдые духом и верой даже и среди тех, кто выше иных поднялся; ибо слишком много сил тратят таковые на сам подъём, забыв, ради чего к Небу стремиться должно изначально».

Не следует сеять сомнения и умножать колебания. И без того не все в Церкви едины в толковании святого Серапиона, не все одобряют затеянное, если не явно, то тайно, и магистр об этом знал. Как знал и то, что многие и многие слуги Спасителейы счастливы принять высокую судьбу избранных воинов Его, в чём бы она ни состояла. Вот брат Антоний – наверняка из их числа, только больно уж худ и болезненно бледен... Магистр вздохнул. Всё, что Спаситель ни делает, – к лучшему. Плоть человеческая слаба, и не всякий желающий сделается воином Его, но сможет послужить общему делу по-другому.

– Что ж, – магистр аккуратно собрал свитки, – пойдём, сын мой, покажешь, что там у тебя творится. Нет, не сюда – слишком долго спускаться. Есть другой путь.

Окажись брат библиотекарь хоть чуток старше или умнее, то наверняка бы насторожился; но монашек Антоний, растерянный, весь в красных пятнах от волнения, только кивнул.

Магистр указал на открывшуюся прямо в стене покоя винтовую лесенку, ведущую куда-то вниз, в пыльную темноту.

Взял из ржавого кольца на стене заранее приготовленный Михаэлем факел – Михаэль всегда следил за этим – и ступил на узкие крутые ступени. Библиотекарь шаркал следом, придерживая полы, бормотал едва разборчиво:

– Я ведь недавно в должности-то, как отец Натаниэль помер, упокой Спаситель его душу... Ещё не всё в порядок привёл, у нас ведь, знаете, отче, есть тома и зачарованные, даже Писания... к ним ведь подход нужен, отче магистр... особенно если копировать... А как вы прибыли да как отец настоятель сказал, что у нас в монастыре знамение может случиться, так я их все запер покрепче, есть у нас в винном погребе каморка... чтобы, значит, не было от них вреда... Отче магистр, отче, но что же это выходит – Последние Дни наступают? Он является, Он грядёт? И мир наш утонет в огне очистительном? И спасутся лишь избранные Им?

Да. Этот монашек может, и знает Писание как свои пять пальцев, и речения святого Серапиона читывал с толкованиями, но дух его слаб, да и тело немощно. Что ж, отлично. Это облегчает дело, сильно облегчает...

– Владыка, отче, но как же так, если то и впрямь Дни Последние, если это знамения конца...

– Мы пришли, – перебил магистр, поднимая факел повыше.

– А... э... владыка... но... нам же в книгохранилище! – брат Антоний уставился на своего спутника, от волнения вцепившись в клочковатую бородку.

– Верно, – одобрительно кивнул магистр. – Книгохранилище – во-он за той дверью. О нём не беспокойся. А нам с тобой – в противоположную сторону.

Не искушай слабых, не подвергай их испытаниям, кои не по силам. Не смущай их души, не воздвигай ненужных преград на пути их к великому Спасению и Возвышению.

Сохраняй тайну – до срока.

Магистр решительно шагнул по узкому, сдавленному желтоватыми каменными стенами проходу – свет от факела, трепещущий, неверный, не столько разгонял тени, сколько заставлял их кривиться и плясать под ногами.

Совершенно сбитый с толку брат Антоний брёл следом, недоумённо бормоча:

– Отче, нам ведь вивлиофика нужна, отче! Зачем мы сюда?.. В другую сторону надо!

Магистр не слушал – уверенно шёл вперёд, высоко поднимая над головой факел.

Не прислушивайся к стенаниям слабых духом. Они не ведают своего счастья.

Наконец коридор упёрся в решётку: толстенные, тронутые ржавчиной прутья уходили в стены и пол, за ними небольшая камера – не камера, а скорее каменный мешок, настоящий колодец; потолок терялся в вышине, вниз из крошечного окошка падал тусклый луч позднего дня.

Факел, угасая, зашипел в ведре с водой, словно задушенный; магистр крепко взял брата Антония за плечо. Подвёл вплотную к решётке:

– Гляди, сын мой, гляди! Во все глаза гляди! Мало кому счастье такое выпадало, до срока лицезреть одного из Них!

Брат библиотекарь побелел как извёстка. От страха бедняга совсем потерялся – стоял, вцепившись в локоть магистра, бормотал трясущимися губами:

– Отче наш Спаситель... Помилуй чад своих... Избави от порождений мрака и лукавства... И-избави...

И было тут, от чего побледнеть.

В каморке, на небольшом каменном возвышении, застыло тело: куда крупнее человеческого, жемчужно-белое, светящееся мягким молочным светом в рассеянном луче, падавшем сверху. На первый взгляд его словно бы окутывал саван, но то был не саван – сложенные крылья, укрывающие создание с головы до пят. Точёное, не по-людски прекрасное лицо запрокинуто, глаза закрыты, грудь не движется. Однако от этого вроде бы безжизненного тела исходила такая мощь, что сам воздух в коридоре искрился белыми мелкими сполохами.

Брат Антоний повернулся к магистру, в глазах плеснуло безумие:

– Ч-что это?!

...Лишь то знание способствует Спасению, кое может быть воспринято внимающим.

– Это, сын мой, и есть Знамение. Знамение грядущих Последних Дней и великого Спасения. Сие есть одна из частей Его, Спасителя грядущего и милосердного, наше оружие и благословение против мрака и ереси. Беспокойство в твоей библиотеке означает, что Он грядёт. Зри!

С этими словами магистр снял с шеи серебряную Спасителеву Стрелу, висевшую на тонкой серебряной же цепочке – Стрелу, каковой Он, как известно, поражает всяческие пороки, ереси, мрак и обман. Решительно взмахнул рукой – поперёк решётки лёг крест, символ Его конечной победы. Полыхнуло белым, лицо обжёг порыв горячего ветра. Толстенная решётка исчезла, будто её и не было.

Брат Антоний затрясся, а магистр улыбнулся. Его, как и раньше, как и всегда, затопил восторг – восторг, какой, бывает, охватывает человека в самом сердце бури, когда молнии рвут небо и ветер гнёт деревья. Уже не оставалось места сомнениям и страху. Только восторг, только вера, такая же яростная, чистая и всеуничтожающая, как и сила заточённого в камере существа.

Существа, некогда бывшего таким же, как и он сам.

Но знание это – не для всякого. Даже среди избранных найдутся отступники; даже среди отмеченных Печатью Спасителя окажутся те, кто отпадёт, стоя уже на самом пороге жизни вечной.

– О-отче... Смилуйся...

Раздался шорох – брат библиотекарь сделал попытку упасть на колени; железная рука магистра ухватила его шиворот, удержав.

Существо в камере шевельнулось, медленно село; крылья слегка разошлись, открывая бесполой торс. Веки медленно поднялись, и на прищельцев взглянули громадные, нечеловеческие, завораживающие глаза.

Глаза, в которых жил Свет. Свет – и ничего больше.

– Иди, сын мой, – магистр легонько подтолкнул несчастного юношу. – Иди. Участь твоя высока. Ты – любимое чадо Спасителя и сегодня же будешь с Ним.

– Н-не-нет...

Свет глядел на них безмолвно, ждущие. Брат Антоний дрожал, ноги подгибались; магистру пришлось едва ли не впихивать монашка в камеру; а затем, едва тот оказался внутри, магистр начертал Стрелой запирающий символ – решётка вернулась на место. Впрочем, ненадолго. Теперь – ненадолго.

Там, за решёткой, поднималась, расправляя крылья, высокая светящаяся фигура, нависала над маленьким, упавшим на колени человеком. Пробудившемуся требовались силы.

Магистр отвернулся, в полной темноте двинулся обратно по коридору. Для того, кто владеет искусством Святой магии, её высшими степенями, грубый светоч не нужен.

Значит, думал он, пробудился ещё Один. Из всех Спящих остался последний; причем, и его черёд уже близок. Но скоро, скоро и он проснётся, и тогда...

Коридор осветила белая безмолвная вспышка.

– Призри, Отче Спаситель, душу раба твоего Антония, долг свой великий исполнившего, – пробормотал магистр.

Осенил себя Спасителевым благословением, коснувшись четырьмя пальцами лба, быстро зашагал прочь.

В конце концов, требовалось проследить, чтобы «нестроения в вивлиофике» угасли бы, как и положено, после того как одно из существ Света получило пищу. Пища доставлялась им с отменной регулярностью, но прежде таких манифестаций не случалось и, само собой, требовалось убедиться, что там всё в порядке.

Кроме того, воинство Спасителево растёт числом, однако ему требуется Предводитель. И вот тут дело пока продвинулось не слишком.

Магистр поднимался по лестнице.

Все предыдущие попытки сотворить Начальствующего терпели неудачу. Понятно, что Спаситель так испытывал верность своих преданных слуг, однако другие магистры – и особенно Великий, первый среди равных, – могли усомниться. Дрогнуть. Даже отпасть.

И тогда он бы отвечал перед Ним не только за самого себя, но и за всех, кого утянула с собой его нерасторопность.

Ибо высокоучёный магистр знал – его путь верен. Откровения святого Серапиона понятны, увы, далеко не всеми. До сих пор усилия монастыря Сил Святых заканчивались ничем, после очередной неудачи и гибели трёх высокоучёных братьев (они вознеслись ко Спасителю, и магистр от всего сердца радовался за них; но дело претерпело немалый ущерб, и тем самым всеобщее Спасение хоть немного, но отодвинулось) – он самолично велел прекратить все работы и ждать.

Но, в конце концов, предложение отца Бенедикта казалось вполне разумным. Рискованно? – конечно.

Но великое Спасение требует и великого риска, и жертв. Как же иначе?

Магистр бегло заглянул в библиотеку. Он не ошибся – буйство святых сил прекратилось, Воин успокоился, получив вожделенную пищу. Огненные письма угасали.

– Михаэль.

– Да, отче магистр?

– Пошлите весть отцу Бенедикту, к Силам Святым. Немедленно. Воинство рождается, пришла пора дать ему Начальствующего.

Глава 1

На сей раз поиск завёл Эварху в болото. Непроходимое и тропическое.

Не так-то легко, знаете ли, добывать хлеб насущный ловлей всякоразличных магических тварей, порой по желанию заказчика лезешь в такие дебри, куда и ворон костей не заносил. А уж какие создания попадают в сети – от одного вида оторопь берёт, не говоря уж о магической их силе! Поди такое поймай, да потом ещё доставь, куда просят. Но ежели хочешь прослыть лучшим на свете охотником на волшебных существ – не жалуйся.

Эварха и не жаловался.

Мир ему попался жаркий, влажный, перенаселённый. Жизнь бурлила, словно кусок соды в пиве, и ловцу пришлось изрядно постараться, чтобы в первый же день его самого бы не изловили; а также – не отравили, не опутали паутиной, не ухватили педипальпами и не уестествоили каким-нибудь особо болезненным образом. Местная фауна не отличалась склонностью к вегетарианству – да и флора, надо признать, не отставала.

Эварха был готов к трудному пути, да и как иначе при его-то занятиях? Но тут пришлось совсем лихо; к вечеру он выбился из сил, хотя и жару, и сырость обычно переносил легко.

Это его беспокоило. Заказ, который он взял, прямо скажем, мало какой охотник взял бы, будучи в здравом уме, – но и награду обещали царскую. Таковую, что можно больше никогда работой рук не марать, если, конечно, жив останешься. Шутка ли – поймать настоящего Древнего бога, да желательно посильнее!

Потому-то ему сейчас следовало беречь силы, а не выматываться ещё до встречи с добычей.

Но мир словно чувствовал, за чем он пришёл, и сопротивлялся изо всех сил. Каждый шаг ловцу приходилось выверять по десять раз – под весело зеленеющим ковром из ряски и листьев скрывалась толща тёмной, пахнущей гнилью воды; Эварха вовсе не жаждал узнать, погрузится он с макушкой или нет.

В прозрачно-бурой глубине ходили плоские рыбы – пасти их не закрывались из-за длинных, игольчато-острых зубов. Над головой с отвратительным зудением толклись тучи мошек, от укуса которых кожа очень быстро чернела и трескалась. Эвархе хватило одного раза, чтобы с головы до ног облиться алхимическим репеллентом.

Пару раз ловец натыкался на гнёзда болотных змей; от весьма мучительной гибели спасли только ботфорты доброй выверновой кожи, приобретённые как раз на такой случай. Оправдали каждый грош; в своё время он не поскупился, хотя гном-чеботарь, сквалыга, заломил цену втрое большую, чем за сапоги из самонаилучшей, наимягчайшей юфти.

Да уж, воистину – подумал загодя, сделал запросто, как говаривал, бывало, его наставник в ловецком деле, старый Мелге. Ну хоть что-то хорошее, мрачно думал Эварха, отгоняя древком боевой косы весьма недружественно настроенную змеюку. Змеюка, вся раскрашенная ало-чёрно-золотыми полосками, намёков не понимала, с похвальным упорством пытаюсь добраться до его плоти. Нет уж, голубушка, поищи закуску где-то ещё.

Первое правило в его деле – не потратишься на амулет или клинок сегодня, завтра друзья отдадут найденные на тебе золотые за твои же похороны. Если, конечно, будет что хоронить.

И если у тебя есть друзья.

Болотина тянулась, словно зелёная река, протоками среди островков, заросших джунглями. В лесу деревья, укутанные тёмно-зелёной листвой, опутанные лианами, возносились к самым облакам; там перепархивали птицы, крошечные

как бабочки, и бабочки, огромные как птицы. Оттуда тянуло пряностями и прелью, доносились резкие крики неведомых зверей – охотившихся и убегавших, торжествовавших и погибающих в бесконечном круговороте жизни. В общем, туда Эварха не совался.

На закате, когда небо окрасилось нежно-оранжевым, он остановился. Ближайшие заросли превратились в сгусток резких теней, где вспыхивали и тут же гасли огоньки первых светляков; тащиться в темноте по здешним топям отважился бы разве что безумец.

Следовало отыскать место для ночлега – и хорошо бы так, чтобы добыча раньше времени его не учуяла.

Он двинулся вперёд, осторожно ступая по пружинящему травяному ковру. Совсем стемнело, только небо ещё оставалось прозрачно-зеленоватым, словно кусок льда. Над головой с тревожными криками носились ночные птицы – ловили мошкарку. Темнота ловцу не мешала – он отлично видел даже в кромешном мраке подземелий; одно из немногих преимуществ его, полуэльфа, перед обычными людьми, – как и обострённый слух. И сейчас он насторожился, ловя малейшие шорохи и пiski, доносящиеся из зарослей, вздохи болотных газов в ряске, тихий плеск воды и странное поскрипывание.

Нет, хватит играть с судьбой в орлянку.

Поколебавшись, ловец таки решил остановиться.

В конце концов, тварь, за которой он пришёл, иногда покидала логово – иначе он не смог бы уловить её след, не нашёл бы никакими поисковыми чарами. Она может выползти и теперь, ночью, и попробовать уловить ловца, и этим тоже можно воспользоваться. Риск есть риск, главное – принять соответствующие меры. Червяку на крючке не больно весело, но такова работа, что приходится иногда побыть и приманкой.

Ловец провозился, пока тьма не сделалась совсем непроглядной. Прочертил не один, не три – пять отпорных кругов; расставил все девять оберегов, хотя редко когда распаковывал больше трёх-четырёх.

Выудил из заплечного мешка и надел на палец грубый железный перстень – вместо камня крохотный череп, смахивавший на эльфийский. Где Пустошник раздобыл эту редкость, ловец не знал. Да и знать не хотел, если по правде.

Теперь можно ждать – или рассвета, чтобы двинуться дальше, или ночного визита добычи. Расстелена подстилка – хоть и не виверновой кожи, как сапоги, но с наложенными на неё водоотталкивающими чарами; ловец лишний раз нанёс репелленты, подложил под голову свёрнутое одеяло и приказал себе спать.

Он всегда умел засыпать и просыпаться по внутренней команде; но сейчас, против всех ожиданий, заснуть удалось далеко не сразу.

Перед ним одно за другим вставали видения – как и положено, смутные, нечёткие; и были они, км, более подходящи для подростка, едва задумавшегося о прелестях противоположного пола.

Нет, не то чтобы Эварха был бы особенно против подобных снов и не то чтобы девушки совсем не дарили его вниманием; но, проклятье, не сейчас же! И не здесь!.. Откуда это взялось?

Наконец он сдался. Зло выдернул осургученную пробку, глотнул из пузырька горьковатой настойки.

Ему требовался сон. Настоящий, глубокий.

Но даже тройной силы экстракт сонника широколистного, дрём-травы и драконьей отрады оборол бесстыдные видения далеко не сразу. Однако – всё же оборол.

* * *

Ночь прошла безо всяких происшествий; надо сказать, ловец даже ощутил некое разочарование. Если бы Древний попёр на него дуром, взять его было бы, пожалуй, несколько легче, – значит, совсем почти не соображает, а просто жрать хочет.

Этот не попёр и не полез.

Что ж, придётся, как говорится, «по-плохому».

Гнус с рассветом куда-то делся; и то дело, хвала Спасителю нашему, как говаривали монастырские наставники.

Эварха медленно и тщательно собрал все талисманы и обереги; торопиться ему теперь некуда, впереди долгий душный день.

Тянущийся сквозь болота след обрёл полноту и яркость; Эварха знал, что тот, за кем он пришёл, по-прежнему силён и не утратил полностью свои изначальные ярость с мощью. Скверно, ловец предпочёл бы не столь шустрюю дичь. Пусть подвиги творят рыцари всякоразличных орденов, это их стезя, им и погибнуть не обидно во славу чего-нибудь важного. А Эварха хотел выжить и заработать.

Первую стражевую линию он засёк ещё до того, как почуял укывище Древнего за очередным островком леса. Железный перстень с черепом, всю ночь дремавший на пальце ловца, отработал аванс – поднял тревогу за добрую дюжину сажений.

В чёрных дырочках глазниц вспыхнули два алых огонька, крошечные челюсти защёлкали, череп затрясся в оправе – похоже, норовил выскочить и покусать всех, не успевших унести ноги.

– Уймись, не по тебе пташечка, – проворчал ловец.

Алые огоньки поднялись и опустились – словно череп закатил глаза. Мол, а то я не знаю.

Эварха, само собой, никакой стражевой линии не видел и магическим поиском нащупать её не мог – не на того ставлена, ну да и пусть.

Не торопясь, он отыскал место посуше, остановился, вогнал в колышущийся под ногами мох древко боевой косы. Отдышался – сейчас пойдёт работа посерьёзнее войны с мошкаррой да водяными змеями. Порылся в битком набитом заплечном мешке, извлёк круглую серебряную шкатулку, сплошь покрытую вычеканенными листьями и цветами – модницы в таких держат пудры с притираниями; среди снаряжения ловца вещь эта смотрелась странно.

Но, кто бы её ни сделал, дело своё он знал: в цветах и листьях крылась серьёзная магия, явно позаимствованная у эльфов.

Коробочка запиралась на маленький, но весьма крепкий замок безо всяких признаков замочной скважины, однако ключ у Эвархи был.

Череп в перстне клацал зубами и вращал алыми буркалами так, что ловцу сделалось не по себе. Работает, однако, штуковина, не врал старый хрыч с Пустошей, не зря Эварха отвалил ему столько звонкой монеты – полновесных золотых Вольного города, на какие иной ремесленник мог бы год прожить припеваючи; и это только за временное пользование амулетом! Хорошо бы, чтоб и остальное так же сработало.

Череп немедленно вцепился зубами в серебро. Голубоватая вспышка, щелчок – ловец едва успел отдёрнуть палец с драгоценным перстнем – и крышка резко отскочила, выпуская из шкатулки облачко сизого тумана.

Облачко на глазах уплотнилось, сгустилось, бешено клубясь, опустилось на ряску, даже не потревожив её; в нём и сквозь него проявились очертания травы и листьев, как две капли воды похожие на те, что были на крышке.

А затем призрачные заросли раздвинулись, из них появилось существо, разом напоминающее и скорпиона, и крысу. Миг спустя полупрозрачный крысоскорпион заскользил к невидимой стражевой линии, бодро перебирая членистыми лапками, поводя розовым носом с усами и пощёлкивая вздетыми клешнями.

Замер – клешни разведены, закинутый на спину хвост с жалом дрожит как в лихорадке.

Надо же, думал Эварха, наблюдая за ним с великим интересом – эх ловко встраивается!.. Призрачное создание нащупало стражевую линию, сейчас густо заросшую столь же призрачными травами, деловито грызло её, замещая уничтоженное собой, словно всегда так и было.

Ловец, весьма чуткий к магии, не ощущал никакой, даже слабенькой волшбы, даже эха не чувствовал, словно творившееся тут было самым обычным делом. Да, коробочка своих денег стоила, жаль, второй раз в ход непустишь.

Крысокорпион довольно долго сопрягал свои чары с чарами прочерченной Древним границы; а закончив, широко распахнул пасть, полную мелких и острых зубов, будто разломил голову надвое.

Пасть стала расти, а тело – уменьшаться; очень скоро перед Эвархой остались одни только челюсти, похожие на небольшие воротца, украшенные сверху и снизу частыми треугольными резцами, местами в два и в три ряда. За воротцами продолжалось всё то же болото и те же островки леса. Те, да не совсем те – дальше тянулись владения Древнего бога, ослабевшего за бессчётные века забвения, почти обезумевшего от одиночества, но живого и вполне способного оторвать ему, ловцу, голову.

Хороший Древний. Славный Древний. Сильный.

То, что Эвархе и заказывали.

В конце концов, раз это такое чудо заказали именно ему, значит, он и впрямь лучший из лучших.

Профессиональная гордость, так её и растак.

Череп в перстне всё никак не мог успокоиться, алые огоньки крутились в орбитах, зубы клацали, и ловец, стараясь унять своенравную вещицу, погладил её пальцем по темечку. Череп немедля закатил глаза и утих, словно сытый кот.

Эварха поддёрнул рукава, повернул перстень черепом к ладони, сжал кулак; глубоко вздохнув, шагнул сквозь «пасть» крысокорпиона.

Чем дольше колеблешься, тем скорее опростоволосишься, тем вернее сядешь в лужу; магические твари, за которыми охотился Эварха, – будь то многоглазые ящеры-бегунцы, хищные обитатели Межреальности, или големы – хранители заброшенных храмов, или подземная нечисть, или даже нежить навроде личей – все они только и ждут случая уловить ловца, сделав его смерть как можно более мучительной, напитавшись его кровью и силой.

На правом рукаве Эварховой куртки из прочнейшей драконейтовой кожи, что не уступит кольчуге, белели четыре глубокие царапины. Остались на память от

бродячего мертвяка – сбежал из магической лаборатории в Чолхое, а Эварху наняли изловить; один из первых заказов, едва не ставший и последним, – зато многому научивший.

Верная боевая коса осталась стоять, воткнутая в мшистую кочку – однако не просто так. Ловец не мог позволить себе роскошь таскать с собой обычное оружие, так что коса тоже была с начинкой – заключала в себе отпечаток ауры Эвархи, грубый, приблизительный, зато сильный. Древний какое-то время будет думать, что пришелец так и бродит по болоту, пытаясь обойти стражевую линию, и слегка ослабит бдительность. Может, конечно, попытается захватить врасплох, но это вряд ли, иначе вылез бы ещё ночью, когда – всем известно – к Древним возвращается некая толика их былой силы.

Конечно, не очень-то приятно лезть на рожон без доброго клинка на длинном древке, но боевое оружие сейчас всё равно без надобности – Древнего велено доставить в целости и сохранности; ну эта обычная чепуха – «и если хотя бы чешуйка или волосок упадут с его драгоценной шкуры...»

Ха. Требовать такое могут лишь те, кто ни разу не сталкивался с подобной добычей лицом к лицу!

Однако аванс был хорош, и Эварха не стал спорить. Кто, в конце концов, станет пересчитывать у Древнего бога все его чешуйки и шерстинки? Да и не его ловецкое дело, зачем слугам Спасителевым понадобился Древний бог, коль золото у них водится, доброе красное золото настоящей чеканки и в достаточном количестве.

Однако кроме золота было кое-что ещё. Если ты достаточно безумен, чтобы любить эту работу – рискованную, тяжёлую, кровавую, – то любишь и всегдашнее в ней состязание. Вот и сейчас, хотя ловец и сам не до конца себе в этом признавался, ему хотелось померяться силами с древним созданием. Кто кого: полуэльф ли бога, пусть и падшего, или всё же бог полуэльфа?..

Хотя последнее, конечно, было весьма нежелательно. Однако повернуть назад означало сразу сдаться, признать превосходство противника, искать создание «по слабым силам своим», как выразился бы отец Бруно, учитель в храмовой школе, где юному Эвархе когда-то посчастливилось учиться – правда, недолго. Однако же отец Бруно не гнушался достать розгу и всыпать как следует

ученику, оправдывавшему «слабыми силами своими» невыученный урок.

Ну уж нет! Ловца гнали вперёд азарт и страсть. И ещё – холодная гордость профессионала. Лучшего в своём деле.

Толстый слой ряски и болотной травы впереди расходился, открывая глубокую чёрную воду. Из воды поднималась пирамида сероватого камня – похоже на верхушку древнего храма. Всю её густо покрывала полустёршаяся резьба, о фигуры, опутанные стеблями водяных лилий, тихо плескали слабые волны.

Тут веками тухнет Древний; и снятся ему небось бывшие жертвоприношения с потоками горячей крови – с алтаря да напрямик ему в пасть.

Свернулся сейчас где-то там, под водой – гигантским болотным змеем; на зеленоватой гладкой чешуе – расплывчатые пятна, жёлтые безжалостные буркалы прикрыты тяжёлыми морщинистыми веками.

Ненавижу змей, искренне подумал Эварха. Хорошо, что косу не взял, не то отсёк бы добыче ненароком башку, и прощайте, монашеские денежки!

Близко, совсем близко. Эварха пригнулся, шаг его невольно сделался плавнее, медленнее, он словно перетекал с места на место. Пальцы сжали кольцо с черепом – крошечные челюсти вновь дрожат, будто в предвкушении. И где только Пустошник откопал это чучело, какого духа в него подсадил?..

Жарко, душно, тихо. Пахнет травой, нудит над головою мелкий гнус, едва плещут чёрные волны. Поскрипывают опущенные в воду вёсла крохотной круглой лодчонки, уткнувшейся носом в травяной ковёр – откуда взялась, только что не было?

Лодочку мы не тронем, мрачно подумал Эварха. Нашли дураков. Нет, мы пойдём другим путём!

Он скинул с плеч мешок. Один за другим на свет явились семь больших тёмных кристаллов. Ловушка, которая сдержит тяжесть Древнего, пока ловец выбирается из этого промокшего мира и тащит добычу через Межреальность. Если верить Пустошнику, капкан этот единственный в своём роде и поистине

бесценный (за что, разумеется, старый хрыч содрал дополнительную плату).

Грубой силой тут ничего не добиться, только хитростью да уловками. И не следовало забывать, что всякая волшебная тварь – «секрет сокрытый», как выражался старик Мелге; а уж он-то во всякоразличных тварях знал толк!

«Тебе покажется – он ма-ахонькой, сла-абенькой, ан силищи в нём сокрыто аки вод в колодезе. Он о том и сам, бывает, забыл, и окромя как зубищами щёлкать, ничего и не помнит, но ты-то помни! В любой миг может он силищу невесть откуда явить и тебя, голуба, прихлопнуть».

Эх, Мелге, Мелге, упокой Спаситель твои старые косточки...

Эварха разложил тёмные кристаллы вокруг полыньи, стараясь не касаться их кольцом с черепом и не заглядывать в воду. В блестящих гранях кристаллов отражались не солнце с облаками, а невесть откуда взявшиеся звёзды, в этом мире, как запомнил ловец, отчего-то особенно яркие; казалось, отражения ночных светил медленно погружаются в глубь кристалла и в самом его сердце тоже вспыхивают мириады далёких голубоватых огоньков, словно там заключена целая вселенная со своими солнцами и мирами.

Эварха не стал спрашивать у Пустошника, одолжившего ему за бешеные деньги эту вещь, как работают связанные меж собой незримыми нитями камни. В кристаллах не ощущалось грубоватой предметной, ни магии крови; ни каких-то символов или рун; ни вокабуляров, ни даже алхимических включений – это была неведомая ловцу магия высших порядков, тонкие энергетические связи, непонятные, но работающие.

Оставалось только удивляться, откуда у отшельника в Пустошах взялась эдакая штукавина.

Однако Древнего ещё следовало заманить в ловушку, и вот тут начиналось самое сложное.

«Древние-то боги, – скрипел в ухо Эвархе три года как мёртвый наставник, – оне допрежь всего уважают кровушку. Кровушку да страх. Им это как нам кабанчик на вертеле... а ну убрал руки от хлеба, не дослушал ишшо!.. Есть меж ними, конечно, те, кто повыше других стоит, кто настоящий бог, хоть и из бывших,

воитель али там защитник, миродержатель аль устроитель... а большинство-то кровохлёбы простые, жертву жрут, удачу в охоте спосылают, вот и вся недолга. С такими-то попроще, да всё одно не зевай, оне просты, да по-своему хитры».

«А отчего же одни выше стоят, а другие ниже?» – спросил тогда юный ловец, пожирая глазами буханку чёрного хлеба и кувшин с кислым молоком, являвшие весь ужин ученика и учителя.

«От мира зависит, где родились они, да от народа, что в них веровал, от того, что просил-вымаливал. Одне, представь, города строили, дороги, ремёсла знали всяческие, а другие токмо по лесам скакали в шкурах да с каменными топориками. Каков народ – таков и бог его, понял, неуч? Помолись таперича Спасителю да поужинаем, чем Он наградил...»

Сам ловец на Древних богов не ходил ни разу; а вот вместе с Мелге им случилось добывать такого один лишь раз, и то это был окончательно обезумевший мелкий божок. Потом ловец старательно обходил павших богов стороной, однако наставления старого мастера помнились крепко.

Эварха украдкой кинул взгляд на каменное наверхие святилища. Судя по резьбе, народ, поклонявшийся некогда этому богу, отнюдь не скакал по джунглям в невыделанных шкурах. Но отступить ловец не собирался. Кто предупредён, тот вооружён.

Эвархе пришлось изрядно попотеть, высчитывая высоту местного светила и его положение относительно прочих светил при помощи старой магоастролябии. Это требовалось для верного расположения ловушки и сопряжения всех её фокусов. Наконец, когда солнце уже перевалило зенит и немилосердно палило затылок, тёмные кристаллы выстроились вокруг озера в строгом порядке. Тишина над болотом начала немного пугать ловца – Древний давно уже его учуял, но ничего не предпринимал, кроме предложенной лодочки. Это было странно. Чего он ждёт? Чтобы ловец подобрался поближе? Да куда уж ближе-то!

Шесть кристаллов Эварха расставил спокойно, а вот седьмой, по расчётам, требовалось запихнуть в самую гущу невысокого и на первый взгляд безвредного кусточка.

Ловец протянул руку – и тут же выругался, напоровшись пальцем на длинный шип. Кусточек, словно опытный боец, прятал под листьями тщательно скрытое оружие: тонкие, длинные и донельзя острые иголки.

Острые настолько, что даже перчатку прокололи!

Череп в перстне вновь закатил алые зенки, словно выражая глубочайшее презрение идиоту-хозяину.

Так, живо, живо! Ловец сорвал перчатки, немедля капнул и на палец, и на куст алхимической гадости из круглого тёмного пузырька – раствор, гасящий магическую составляющую крови. Череп в перстне, было оживившийся, немедленно успокоился. Над кусточком потянулся призрачный дымок.

Теперь понятно, на какие крохи силы существует этот Древний – у него небось тут целые заросли эдаких сюрпризов, специально для тех, у кого в жилах живая кровь и кто, следовательно, годится в пищу.

Эварха дрожащей рукой вытер пот и огляделся. Фух, пронесло, кажется – всё тихо, всё по-прежнему. Кристаллы в нужном порядке, вода тихо шепчет, возле давно заброшенного на вид святилища – тишь да гладь, полный покой; однако напряжение росло, словно там, в бездне, и впрямь свивал тугие кольца громадный змей, готовясь к броску.

Или это просто страх? Обычный человеческий страх – перед неведомым, перед болью, – остужающий горячие головы, остерегающий неразумных и верней направляющий руку с зажатым в ней оружием? Мы ведь всегда боимся ночи, боимся тьмы и таящихся в ней чудовищ. Но также и всегда сходимся с ними лицом к лицу – одолеть, победить, осилить, пойти дальше.

Эварха вытер о штаны внезапно вспотевшие ладони – над чёрной полыньёй собирался тонкий сизоватый туман. Поначалу едва заметный, такой, что у ловца мелькнула безумная надежда, не показалось ли, но стремительно густеющий, стелющийся тонкими нитями над водой.

Ну, дождались, силы всевеликие! Туман сгущался на глазах, клубился, собирался у подножия затопленного храма. Стало тихо-тихо – умолкли болотные обитатели, стих ветерок, а колдовская лодка вообще исчезла, как не бывало

– зато каменное навершие храмового купола словно бы чуть больше выступило из воды.

Да, точно. Храм неизвестного бога поднимался, медленно и величественно: вода стекала по резным орнаментам и фигуркам духов, а может быть, и младших божеств, многоруких и многоногих, со звериными головами, не то сцепившихся в бою, не то слившихся в страстном танце. Шлёпались в чёрную воду стебли лилий и лотосов, и тут же распускались крупными бело-розовыми цветками, затягивали полынью сплошным ковром. От их сладко-пряного аромата у Эвархи начала кружиться голова. Да и сама каменная резьба уже больше не казалась изъеденной временем – нет, она становилась всё выпуклее, и вот уже вереницы фигурок ожили, кружась, танцуя и разыгрывая такие сцены, от созерцания которых в другое время Эварху было б не оторвать. Но только не сейчас.

– Сожри тебя хаос со всеми потрохами, – пробормотал ловец, судорожно нащупывая на перевязи нужную скляницу.

Он, полуэльф из далёкого мира, всегда очень остро ощущал чары и силу – качество, обычно весьма помогавшее в делах выслеживания и поимки магических тварей; но сейчас оно обернулось против него.

Неведомый Древний опутывал ловца тонкой сетью заклятий, и Эварха против воли поддавался, не успевал сопротивляться, поставив блоки, проваливался всё глубже в нарисованные павшим богом миражи. В миражи, где этот бог вовсе не был павшим.

Пальцы немели, не слушались, на ловца наваливалась удушающая апатия, дрёма – страстные танцы оживших рельефов, завораживая, лишали воли, погружали в оцепенение; краски слишком яркие, звуки – слишком резки, но сил зажать уши или зажмуриться нет. Где-то на пределе слуха заныла однообразная мелодия, сбивающая с мысли, дурманящая...

– Какого демона... – прохрипел ловец; негнущиеся пальцы дергали застрявшую в гнезде скляницу.

Храм меж тем вознёсся над ним во всю свою высоту. Фигурки на стенах вели нескончаемые хороводы, танцуя и совокупляясь, ярко раскрашенные драконы разевали пасти, танцовщицы звенели медными браслетами на щиколотках, и

этот звон тоже складывался в мелодию, лишавшую сил и мыслей.

Небо почернело, словно внезапно настала ночь – время страсти, время силы Древних; фальшивые звёзды кружили в вышине, лотосы раскрывали нежно-розовые сердцевины, сплетаясь в толстый ковёр, одурманивая терпкой сладостью. Эварха наконец сумел зажать уши, не выдержал, замычал, опускаясь на колени.

Не помогло – музыка только ударила громче, торжествующей. Каменные стены раскрылись, словно цветочный венчик, и там, в золотых, бьющих во все стороны лучах, возник Древний.

Нет, Древняя.

Паника нахлынула горячей волной; помогите мне все силы прежние и новые!.. – Эварха пытался удержаться, сосредоточиться, чтобы в голове не так плыло.

Древняя – не просто Древняя, но богиня плодородия! Понятно, отчего она так сильна, ей подобным поклонялись истово, культы не затухали тысячелетиями, ибо от милости подателя жизни зависел весь род, всё племя, а иной раз – и все люди того или иного мира.

Древняя постояла, купаясь в золотом сиянии, а потом заскользила к Эвархе по ковру из лотосов и лилий – легко, будто танцую. Смуглое, идеально правильное лицо, чёрные брови дугами, чёрные сияющие глаза; на гладких тёмных волосах ало-золотое покрывало, как у невесты, улыбаются приоткрытые губы, смуглая грудь едва прикрыта золотым шитьём. Талия немыслимо тонка, а бёдра, как и положено богине плодородия, волнующе широки. Она шла, покачивая ими в такт музыке, и Эварха ощутил, как поддаётся её чарам. Вполне определённо поддаётся, несмотря на всю выучку и опыт.

– Хаос тебя сожри!.. Тварь!..

Ругательство, как ни странно, помогло – наваждение слегка рассеялось, сквозь дурманящий аромат донёлся порыв свежего ветра, принёсший запах тины и гнили. Но главное – рука наконец справилась с клапаном, скляница выпала, ноготь большого пальца одним движением отщёлкнул сургуч; в следующий миг содержимое уже обожгло рот.

На языке словно заплясало пламя, зато мир разом перестал кружиться.

Древняя была уже совсем рядом.

Склонялась к нему, окутывая ароматом пряностей и фруктов, сладкой и властной силой, притягивая, завораживая. В глазах её мерцали звёзды, влажно блестели зубы, и Эварха, как ни старался, не мог оторвать взгляда от томно открывшихся губ. И, когда б не эликсир, он уже давно лишился бы воли.

Ну уж нет!.. Он здесь не останется – в безымянном тропическом болоте, в смертельных объятиях Древней богини!

Эварха отползал, отходил, отступал, кусая губы и не ощущая боли. Стараясь не выдать себя ни лишним движением, ни преждевременной мыслью.

Добыча шла именно туда, куда надо.

Ну давай же, давай, уже почти попала! Почти в точке фокуса!..

Однако Древняя вдруг приостановилась; опустилась на колени, потянувшись вся к ловцу; прикусила нижнюю губу, вроде бы лукаво, а на деле пряча злую усмешку. Звёзды в глазах её ослепительно вспыхнули – и тут же угасли, а железный перстень отозвался болезненным ожогом и утих.

– Он не будет нам мешать, – голос у Древней был, как полагается, низким и глубоким. Волнующим. Небеса всевеликие, как же она близко и как же сильна!..

– Не будет, – хрипло согласился Эварха. Медлить больше нельзя, пусть даже фокус сетки чуть сбит, – сейчас или никогда!

Маленький жертвенный ножик из чистого серебра, укреплённый на правом запястье – как раз на такие вот крайние случаи, – мягко скользнул в пальцы, миг – полоснуть себя по левой ладони, глубоко, со всей силы, и резко выбросить руку вперёд.

Последнее средство. На тот случай, если ловушка не захлопнется сама.

Капли тёмной крови, на лету обращаясь огненными сполохами, брызнули Древней в лицо, часть – разлетелась по траве, угодив куда и должна была – на ближайший тёмный кристалл. Ну, помогайте теперь все силы земные и небесные!..

Огненные кляксы растеклись по лицу богини. Мгновение она непонимающе смотрела на Эварху, потом прекрасные черты слегка расплылись, стройное тело изогнулось, Древняя издала страстный стон; изо рта выметнулся длинный тонкий язык, как у змеи, начал слизывать огонь с кожи. Да уж, подумал ловец, быстро отползая подальше, давно тебя кровью не кормили – такой вкусной, такой живой кровью!

Рану он себе нанёс глубокую, капли катились, пятная траву, набралась уже полная ладонь. И ловец, не мешкая, снова размахнулся, целясь уже в тёмный кристалл. Огнистые брызги разлетелись веером, часть снова испятнала Древнюю, но и на кристалл угодило достаточно, чтобы ловушка наконец захлопнулась.

Древняя после ещё одной порции крови снова вскрикнула, но уже не со страстью; её внезапно сменила боль. Кристаллы вспыхивали один за другим тёмным, багровым светом – а меж ними сам собой соткался серебристый купол-сеть с семью точками-фокусами. Древняя богиня почти попала в один из них – но именно что почти.

Избавившись от наваждения, Эварха вскочил; щедро орошая куртку кровью из рассечённой ладони, рванул завязки на пояском кармане. Плох тот ловец, что довольствуется лишь одним капканом!

Сеть, вспыхнув яростным белым светом, коконом стянулась вокруг Древней; однако и богиня не растерялась – забилась, словно попавшая в паутину пчела, затряслась, дёргая обжигающие нити, вначале неистово, а потом, чуть успокоившись, слабее, выскивая наиболее поддающиеся места. Стоны сменились хриплым воем, в котором уже не слышалось ничего человеческого; каменный храм, упирающийся в небо исполинским пальцем, заходил ходуном, цветущие лотосы тонули, звёзды меркли, пахло уже не пряностями, а болотной гнилью.

Серебряная сеть не просто спеленала Древнюю, она лишала её мощи, отрезая от всеобщего тока магии, рассеивала эманации, не давала собрать и направить силу.

Хорошая ловушка. Почти идеальная. Ещё бы не требовала столь точной настройки – семь фокусных точек, и добыче надлежало оказаться строго в одной из них, без отклонений; а Древняя всё ж таки сместилась...

И потому ловушка поддавалась – медленно, но верно. Кристаллы дрожали в своих травяных гнёздах, испуская тонкий тревожный свист – амулеты работали в полную мощь, но всё равно не справлялись.

Древняя сменила тактику – вместо того, чтобы бесцельно рваться из сети, теряя силы, растягивала и дёргала одну из спутавших её нитей – ту, что казалась слабее других. Вой перешёл в злобный визг; под плотным покровом неровно светящейся серебряной паутины уже не было прекрасной девы в ало-золотом наряде – там клубился и кипел сгусток тьмы, которую так и тянуло назвать первородной; тьмы, подёрнутой седой пеленой, тьмы, впитавшей в себя отражения древних звёзд.

Эварха, перепачкав кровью пояс и полу куртки, выхватил из потайного кармашка то, что берёт на подобный случай: небольшую ониксовую печать с вырезанными на ней знаками Запрещения, Отвержения и Разрушения. Всеупотребительный замок, закрывающий любые двери, затворяющий любые входы; ненадолго, конечно – чтобы надолго, знаков, да и силы требовалось куда больше, – но закрывающий всё, что угодно. Но только один раз.

Хватит, чтобы окончательно зауклеть древнюю тварь в ловушке. Правда, бежать через Межреальность придётся очень и очень быстро, ну да бежать с добычей с охоты – совсем не то, что на охоте от добычи.

Ловец сжал кровотокащую левую ладонь, чтобы на печать ненароком не капнула кровь, щелчком раскрыл костяной футляр. Чёрный камень охлаждал кожу – заключённая в нём магия запрета и разрушения вытягивала силу из всего, чего только касалась. Сейчас, сейчас, только подобраться поближе!

На подкашивающихся ногах он шагнул к обездвиженной богине, по-прежнему упорно терзавшей единственную нить – опасно истончившуюся, дрожащую.

Всего-то и дел – провести печатью от макушки до пят, с той стороны, где сеть сомкнулась недостаточно плотно, – и можно паковать добычу в дорожные тюки; сейчас, ещё немного, ещё чуть-чуть...

И в этот момент серебряная нить не вынесла напряжения, лопнув с пронзающим душу звоном.

Эварха успел отпрыгнуть; тьма всклубилась из прорехи в ловушке – та самая, первородная, что тысячелетиями ведала в этом мире жизнью и смертью. Язык её лизнул болотную кочку, где только что стоял ловец – трава мгновенно съёжилась и почернела. Богиня деловито освобождалась из ловушки, сеть затрещала, заискрила, кристаллы вспыхнули багровым огнём. А из тьмы в глаза Эвархе глянула уже не прекрасная дева – жуткая тварь, эбеново-чёрная женщина с горящими алым глазами и зубами ослепительно-белыми, словно снежные вершины гор; с ожерельем из черепов на обвисшей груди, с браслетами из бедренных и тазовых костей. Три пары рук растягивали сеть, зубы рвали нити, осыпая чернокожую богиню ворохами багровых искр.

Древние богини плодородия двулики. Подрезает ли серп колосья, волокут ли скот на заклание – всегда одно тянет за собою другое; а в голодный год племя решает, кому жить, кому оставаться при скудном запасе пищи, а кому – уходить на волю всемогущей судьбы и, скорее всего, тоже на смерть. Та, кто дарует жизнь, дарует и смерть – и этот-то её лик оказался поистине ужасен.

Кристаллы меж тем мигали и свистели, богиня торжествующе выла, и Эварха даже подумать не успел, что вот он, конец всему.

Богиня зацепила его за куртку кроваво-красным ногтем, потащила к себе. Эварха из последних сил извернулся и вlepил ей в лоб ониксовой печатью, выкрикнув затворяющую формулу. Печать прилипла ко лбу богини, мгновенно раскалилась и взорвалась мириадам осколков – ловец едва успел отвернуться; Знаки Отвержения и Разрушения вспыхнули золотыми жуками, рассыпая ледяные искры; Древняя завизжала, окончательно оглушив ловца, болото задрожало, но было поздно. Заветная печать оказалась сильнее – золотые Знаки расползлись, стянули разорванную было паутину, закрыли прорехи, затянули узлы, расплылись тонкой мерцающей пеленой. Ненадолго, но ему, Эвархе, хватит.

Храм содрогнулся раз, другой – и обрушился в болото, рассыпаясь грудой старых камней, изъеденных влагой и корнями. Густая трава на глазах пожухла, зажелтела, пружинящий ковёр начал разъезжаться под ногами – Эварха едва успел оттащить в сторону спелёнутую богиню, как на том месте, где он только что стоял, образовалось озерцо.

Верно, связь богини жизни и смерти с окружающим святилище болотом была куда сильнее, чем казалось.

Древняя в коконе затихла, связанная серебряной паутиной с прилепившимися сверху кристаллами, но это до поры до времени, покуда не ослабеет печать. А ловец ощутил вдруг накатившую слабость. Ноги дрожали, из рук всё валилось, перед глазами плавали зеленоватые круги; подступала странная дурнота.

Он остановился переждать головокружение; грудь саднило, Эварха опустил взгляд – драконейтова куртка прожжена наискось, рубаха пропиталась кровью. В прорехе что-то нехорошо пузырилось – работала чужая магия.

Древняя всё-таки зацепила его, а он даже не почувствовал.

Скверно. Очень скверно.

– Тварь, – прошипел ловец сквозь стиснутые зубы. – Вот сдам тебя святым отцам, там уж тебе пропишут!..

Говорить было тяжело, дышать тоже. В груди наконец прорезалась боль – тупое, нарастающее жжение.

Если не хочешь украсить собственными костями эту топь, сказал себе Эварха голосом наставника Мелге, – иди. Иди, дармоед, и добычу не забудь – иначе какой же ты после этого ловец?

Все дороги ведут в Долину, как говаривал обычно мессир Архимаг Игнациус Коппер. Должны бы вести, но...

Клара Хюммель, боевая чародейка по найму, жительница знаменитой Долины магов, сощурившись, обозревала раскинувшиеся перед ней пустоши Межреальности: жемчужно переливалось пронизанное потоками великой силы Ничто, бежала сквозь него мутная лента тропы, ныряя в невидимые отсюда складки и провалы, темнел вдали островок Дикого Леса – возле самой Тропы темнел, придётся быть начеку.

Ничего особенного, однако отряду надлежало уже выйти на дальние подступы к Долине, где Клара могла пройти едва не с завязанными глазами, где возникали (и годами, десятилетиями держались) приметные ориентиры, где потоки силы становились легко читаемыми и вообще всё должно было указывать на то, что они – уже почти дома.

Однако вот не наблюдалось ни памятных кромлехов, ни знакомых дольменов; не помнила она и болтающихся так близко к Долине живых заплаток Дикого Леса. Неужто заблудились?..

Дело оборачивалось скверно: отряд задержится в пути, а припасы на исходе; Клара начинала тревожиться.

Куда их завело? И главное – как? Как она могла так опростоволоситься?! Дело было сделано, заказ, хоть и не до конца, исполнен, плата, хоть и не полностью, получена, оставалось вернуться домой уже знакомой дорогой. И тут такое!..

– В трёх Диких Лесах заблудилась, – зло проворчала Клара себе под нос. За подобное в самой Гильдии могли и высмеять, и притом достаточно жестоко. Тот же Мелвилл или Ричард д'Ассини, будь он неладен.

Рядом, почтительно склонив голову, возник десятник Фроокстим, наполовину орк, наполовину Клара так и не поняла кто. Сложением далеко не так могуч, как орки, глаза золотистые со щелевидным зрачком, а в остальном – та же оливковая кожа, те же клановые татуировки на щеках, те же суровые правила чести; впрочем, малый он был сообразительный и свой десяток поддерживал в полном порядке.

Как и валькирия Райна, десятник помешан был на субординации. Не говорил, не сообщал, а только и исключительно «докладывал», вытянувшись во фронт.

- Чего тебе, Тим?

Ответила слишком резко – и ругнула себя. Нечего срываться на собственном десятнике, коль раздражена и поход пошёл криво-накосо.

С самого начала дело не заладилось.

Отряд пришлось набирать срочно и новый. Клара на некоторое время непозволительно расслабилась, сидела в Долине, отдавая заказы другим – ждала Аветуса, словно верная жена, да так и не дождалась. За это время прежние, проверенные дружинники расползлись кто куда, другие маги переманили лучших – тот же Дик д'Ассини, он в таких делах не зеваает.

И тут – бум, бах, трах-тарарах, хватай мешки, дракон улетает. Переворот! Коварный заговор! Предательство и трусость! Законный король из дальнего мира, тем не менее имевшего связи с Долиной, стал жертвой колдуна-узурпатора!.. Уцелевшие члены Коронного Совета падают в ноги мессире Архимагу, умоляя «снизойти, спасти, восстановив закон и порядок»; мир же, хоть и довольно далёкий, а почему-то мессире Игнациусу важный. «Ну, Клархен, моя девочка, ты же понимаешь. Высокие наши принципы не позволяют... к тому же сторонники его сброшенного величества предлагают изрядную доплату к основному гонорару. Гильдии вообще, да и тебе, милая, в частности, это золото не помешает».

Это верно, принципы не позволяют. Мессир от своих и впрямь не отступал, в мирах, почитавшихся им для Долины «важными», поддерживал если не идеальный, то всё-таки порядок.

И золото не помешает, тоже верно. Хотя и не для Гильдии – там и так всё хорошо, д'Ассини, эвон, с вечным привратником Гормли задумали расширить гильдейский клуб и уже завозили стройматериалы.

Ей же, Кларе, золото, конечно, важно. Держать в порядке дом, хоть и скромный, да собственный; ни от кого не зависеть, делать, что хочется.

Что хочется и что помогает – забыть.

Или хотя б забыться.

В общем, в дружину пришлось набирать первых попавшихся. С Тимом ей повезло, и со многими другими тоже. Но – десятки не сколоченные, слаживания пройти не успевшие, взаимные прикрытия отработывали уже по дороге на задание...

Просто чудо, что не потерпели совсем уж полную неудачу. Засаду, устроенную Кларой, обнаружили, тот самый колдун-узурпатор оказался весьма резов и неплох; в отряде разом два трупа да трое раненых. Узурпатору, конечно, не поздоровилось, но и с «законным правителем» на троне как-то не вышло, ибо правящую семейку, как выяснилось, подданные жаловали не слишком, а если уж совсем честно, терпеть не могли; драться же с половиной мира Клара сочла неразумным, следовательно, гонорар убывал вдвое. А ведь ещё родственникам погибших и покалеченных дружинников платить!

Десятник на тон Клары отнюдь не обиделся, напротив, осклабился понимающе:

– Госпожа, есть ли вести?

Конечно, не дело десятника задавать вопросы боевому магу – но Клара придерживалась, как говаривали в Гильдии, «неортодоксальных подходов».

Чародейка положила ладонь на эфес шпаги и нехотя призналась:

– Не выводит тропа. Не знаю, куда её сейчас пробивать. Запетляла дорога, сила то туда, то сюда дёргает. Одно из двух: либо останавливаемся, ищем верное направление, наудачу. Я бы пошла вперёд, Тим. Сил нет больше глядеть на эти красоты, – скривившись, она кивнула в сторону безмятежно колышущегося Дикого Леса.

– Вас понял, госпожа, – десятник невозмутимо кивнул. – Как есть вперёд надо, на месте сидеть, как у нас говорят, – дурное дело, не заметишь, как кто-нить в зад вцепится, прощения прошу. Вперёд надо, иль на прежнюю тропу выйдем, иль куда к другому миру. А там...

– А там посмотрим, – сурово заключила Клара. – Построй десяток, Тим, и остальных я сейчас подниму. Мы идём.

Клара старательно гнала от себя мысли о том, насколько может затянуться возвращение; конечно, когда с припасами станет совсем туго, она найдёт подходящий мир, где можно разжиться едой и водой – хотя это означает ещё большую задержку в пути. Надо пообещать дружине премиальные, в конце концов, чтобы бодрее шевелили ногами, а то едва ползут, будто и домой не тянет.

Она понимала, что несправедлива, но всё равно злилась. На весь этот не шибко удачный поход, на дурацкую тропу, плутавшую, словно прокладывала её стажёрка из Гильдии парфюмеров, а не опытный боевой маг; на Ричарда д'Ассини, успевшего переманить её лучших бойцов; а больше всего – на Аветуса... Как он мог так надолго исчезнуть, ей ничего не сказав?!

Хотя нет. Злилась она прежде всего на себя – за то, что всё ещё его ждёт. Этого изменщика, предателя, безответственного бродягу!.. Уверявшего её в своих чувствах, подарившего перед уходом помолвочное кольцо из чудесного жемчуга – счастье, что Клара не показала его никому, даже ближайшей подруге Аглае Стевенхорст. Растрепали бы, разболтали на всю Долину, а потом позору не оберёшься: «А, это та самая Клара Хюммель, которую жених бросил после помолвки!»

Но, так или иначе, она обещала Архимагу быть дома до заседания Совета, и она будет.

Клара сосредоточилась на тропе. Потоки силы здесь и впрямь сместились, словно нечто оттягивало их на себя; в Межреальности, конечно, сила часто даёт всплески и провалы – сталкиваются или погибают миры, в омотах великих магических рек зарождаются и растут странные сущности; разнонаправленные потоки интерферируют, вызывая к жизни самые причудливые аномалии вроде Глубинных Вихрей или Челюстей бога. В общем, Кларе случилось повидать всякого за время путешествий по Междумирию, но это смещение не походило ни на что, ей известное. Оно проявлялось на всех уровнях, пикообразно усиливаясь в так называемой «белой части спектра» – Клара подумала-подумала, вытряхнула из заплечного мешка старый магометр и теперь время от времени записывала цифры, чтобы показать потом мессире Игнациусу.

Отряд – все три десятка – дружно топал за своей предводительницей, не растягиваясь и не отставая; ушлый Тим по-свойски объяснил воякам, что-де «дорога в обход пошла, шевелите копытами, кто не хочет тут до смерти куковать». Дружинники воспряли духом, перебрасывались короткими шуточками, держались бодро, а это Клару более чем устраивало. К тому же Тим оказался не так уж неправ – судя по кривизне пройденных участков, тропа и впрямь огибала нечто невидимое, какой-то неведомый источник силы, мощно стянувший к себе все и всяческие пути.

Что это за место, куда их завело?..

«Всё интереснее и интереснее, – Клара на ходу черкала карандашом не только показания магометра, но и характеристики тропы. – Пусть мессир посмотрит... и в Гильдии тоже».

Ага, в Гильдии!.. При одном воспоминании о Гильдии и об Ассини настроение резко испортилось. Нет, Ричард со всех сторон замечателен, спору нет, вот только больно уж ловок. Остёр на язык, за словом в карман не лезет, отличный боец, прекрасный тактик – ни одной неудачи.

Но уж слишком хорош. Чересчур. Умён, уверен в себе до такой степени, что Клару это настораживало. Да что там – откровенно раздражало!

Только что пробитый участок тропы резко повернул, нырнул в крутую ложбину, и со всех сторон на отряд потёк клубящийся сумрак. Очень быстро потёк.

– Стоять! – волшебница подняла руку. Отряд встал как один человек – всё-таки кое-чему научились, с мимолётным удовлетворением подумала Клара; послышался согласный шелест извлекаемого оружия.

Сумрак накрыл их плотным покрывалом, в котором угадывалось какое-то скрытое движение – словно там перемещалось нечто массивное и весьма быстрое. Клара стояла, обнажив шпагу с изукрашенным рубинами эфесом – камни горели в полутьме мрачным огнём – неладно было здесь, совсем неладно! М-да, ещё один сюрприз...

Такие ложбины, заполненные мраком, возникали на путях в Междумирье словно бы сами по себе. Опасность таилась в их непредсказуемости – никогда не

знаешь, куда потом выведет тропа, – и в тварях, считавших эти места удобными логовищами и охотничьими ловушками. Стайные ящеры, скаты-убийцы, бродячие, обезумевшие Древние, изгнанные из-под родных небес – кого только не встретишь в этих провалах. Вплоть до мифического Левиафана, способного – если верить сочинениям того же Аветуса – нести на спине целые миры.

Вот опять она о нём думает!..

– Госпожа, – десятник Тим словно в одночасье охрип. – Госпожа, ваши приказания?

– В круг! – рявкнула чародейка. – Мечи наголо! Отпорные амулеты – товсь!

Если изготовившаяся к нападению тварь достаточно разумна – был шанс, что она услышит и подумает, стоит ли связываться с этими ходячими кусками мяса. Если же нет...

Долго ждать не пришлось – мгновенно сумрак взрезали гигантские чёрные лезвия, длинные, стремительные, смертоносные. Взмах, ещё взмах – и кто-то из отряда уже летит с тропы со вспоротым животом, дикий крик тонет в бездне. Взмах – в лоскуты рвётся тропа позади отряда, преграждая отход.

И опять – тишина и ощущение смутного движения в плотном сумраке.

Ох ты ж, гоблины зелёные, потрясённо подумала Клара, это же шшхор, иначе говоря, железный призрак! Очень, очень редкое явление, чуть менее мифическое, чем Левиафан!..

– Клинки в ножны! – завопила она что есть мочи, первой пряча шпагу. – Он чует железо! Всем убрать оружие! Не колдовать! Сбиться как можно плотнее!

Собственно, шшхор был описан всего лишь раз Юбером д'Ассини – прямым предком пресловутого Ричарда – двести лет назад. Юбер оказался единственным, кто выжил после встречи со шшхором, и, как он искренне считал, спасся лишь тем, что вовремя выронил меч, потеряв сознание, и долго пролежал так в разорённом лагере.

Сейчас Кларе предстояло на практике выяснить, чем ещё можно одолеть шшхора, каковой, по предположениям магов-теоретиков, материального тела не имел, следовательно, поражать его было не во что. Ни оружием, ни магией.

Железные же лезвия-гребни, согласно д'Ассини-пэру, являли собой «моментальные манифестации» и в таковом качестве становились уязвимы, их – теоретически – можно было отразить или даже разрушить, но суть шшхора это не затрагивало. Чтобы с ним справиться, похоже, требовалась некромантия высших порядков, а именно этот раздел чародейского искусства мессир Архимаг по каким-то причинам весьма и весьма недолюбливал.

– Дерево! – быстро командовала Клара. – Хоть дрын, хоть дубину – у кого что есть!..

Бойцы быстро, но без суеты встали спина к спине и плечо к плечу; десятник Тим поигрывал хорошо отполированной деревянной палицей длиной в добрых три фута, и вид его не сулил ничего хорошего тому, кто сунется к отряду, будь он хоть железный, хоть алмазный.

Кто-то из дружинников сжимал древко копья, освобождённое от навершия, кто-то, как Тим, таскал с собой дубинку – нашлось, чем отбиваться.

Клара лихорадочно соображала, пальцы плели заготовки для заклятий с невероятной быстротой. Да, надо убрать железо, но доспехи-то куда девать? Снять?.. И куда бить, если у шшхора нет тела, нет центра – погоди, погоди, Клархен, как это нет? Лезвия мгновенно материализуются и расточаются – но ведь не сам шшхор! Может быть, этот сумрак – он и есть? Нет, слишком просто...

Взмах – чёрные лезвия просвистели у Клары над головой, сбили с кого-то шлем, слышались крики и ругань, чей-то стон. Взмах – прорезали тропу перед отрядом, обрывая её в Ничто. Кажется, тварь их сейчас и в самом деле видит хуже – вот только отряду от этого не легче.

Взмах – Клара едва успела отшатнуться и тут же выставила заклятие-щит, замерцавшее яркими голубоватыми искрами и накрывшее отряд вытянутой полусферой.

Шшхор будто этого и ждал. Теперь вместо того, чтобы стричь воздух вокруг отряда, он прицельно лупил в щит – и щит прогибался, магическая преграда рвалась, не выдерживала, открывая чародейку. Призрак напирал, чёрные когти секли то с одной стороны, то с другой, и Клара отступила на шаг.

Он не даст им выйти, он чует железо и магию, как его одолеть?!

Решение пришло внезапно, вспышкой. Времени на раздумья не оставалось.

– Хальбарт! – рявкнула она.

– Здесь, госпожа! – немолодой жилистый воин пробился к ней сквозь толпу. Он был не единственным, кто немного разумел в волшебстве, но казался Кларе самым сильным из всех дружинных магов-самоучек.

– Подержи щит – сумеешь? И по моему слову сразу отпусти!

Хальбарт кивнул, сжав губы.

– Отряд, слушай сюда! По команде все бежим назад, бежим так, будто вам демоны на пятки наступают! Тропа – будет, по ней рванёте по моей команде. Всё ясно?

Десятки ответили нестройным хором. Ох, придётся им двойную премию за риск выплатить...

Хальбарт принял щит – тут же охнул и пошатнулся, заклятие оказалось чересчур тяжёлым; шшхор, словно поняв, что перед ним куда более слабый противник, усилил напор. Из сумрака послышалось нетерпеливое пощёлкивание, словно железный призрак в предвкушении обеда постукивал жуткими когтями по столу. Ну погоди, тварь прозрачная, в ярости подумала Клара, я тебе покажу, кто здесь обед!

Она содрала с указательного пальца надетый прямо на перчатку простой серебряный перстень. Жаль артефакта, конечно, да жизнь дороже... Сложный жест – активация вшитого заклятия, и перстень мгновенно нагрелся, даже в перчатке стало горячо. Клара что есть силы швырнула его в сумрак, крикнув

Хальбарту:

– Снимай!

Перстень вспыхнул серебряной звездой, прежде чем кануть в темноту. Щит исчез. Но исчезли и мелькающие перед ним смертоносные лезвия, и вокруг сразу немного развиднелось. Пусть-ка тварь побегает за приманкой, думая, что жертвы решили двинуть напролом! Сейчас – быстрее! – надо пробить заново повреждённую тропу... Есть!

– Пошли!..

Дружина рванула в обратном направлении, словно по пятам мчался сам Хаос. Клара бежала позади, прикрывая отход, Хальбарт и Тим держались поблизости. Тропа нырнула куда-то ещё глубже, потом резко пошла вверх, отряд замедлил бег, взбираясь по крутому склону. Дружинники дышали тяжело, Клара и сама запыхалась, но то и дело оглядывалась назад – шшхор слишком быстр, слишком опасен, наверняка быстро поймёт, что его обманули, и кинется в погоню.

Впереди забрезжил свет – знакомое жемчужное сияние Междумирья. Все боги тёмные и светлые, Клара никогда в жизни так ему не радовалась!

– Нажмите, ребята! – прохрипела она.

И тут же ударил шшхор.

Клара развернулась и выставила щит, давая своим шанс уйти – но теперь шшхор бил в полную силу. Защита выдержала ровно три удара, потом призрачные трепещущие лохмотья истаяли в сумраке, и Клара осталась на тропе одна с разъярённым призраком.

Нет, не одна.

Рядом стояли полуорк Тим и пожилой дружинник Хальбарт. Десятник выразительно поигрывал палицей.

– Супротив моего удара, госпожа, мало кто выстоять может, – полуорк усмехнулся, блеснули внушительные клыки.

– Силой поделюсь, коль надо, я это умею, – Хальбарт протянул ладонь.

Клара без лишних слов схватила его за руку, сразу ощутив, как магия потекла живее – она успела здорово выложиться. Коротко кивнула десятнику:

– Один удар, Тим. Отбей один, постарайся.

Шшхор ударил сразу, словно только этого и ждал.

Десятник не подкачал: лезвия материализовались за его правым плечом, но ещё быстрее оказалась деревянная палица.

Дерево, старое, твёрдое как камень, разлетелось в щепки, рукоять вывернулась из ладони, сам Тим покатился по тропе, едва не сорвавшись – но удар и впрямь был отбит, и Клара успела ответить.

Тонкая, свитая из белоснежных молний верёвочка встретила лезвия шшхора вместе с палицей – но не отлетела в сторону от удара, а словно прилипла к ним, приклеилась, опутывая, стягивая, не позволяя расточиться. Единственное, что пришло Кларе в голову – «белый аркан», старое и требующее многих сил, но весьма популярное у боевых магов заклятие. Как раз против всяческих призраков, обожавших исчезать из реальности, едва за них брались всерьёз.

Клара чувствовала, как аркан пьёт её силы, как дрожит ладонь Хальбарта, как бьётся попавшаяся в ловушку тварь – сильная, очень сильная тварь, Клара, пожалуй, таких ещё и не встречала, – но волшебница упрямо не отпускала заклятия. Шшхор его, конечно, разорвёт и одолеет, но сейчас хоть на краткое время надо связать призрака, обездвижить, замедлить!

Она не промахнулась. Продержалась, сумела продержаться! Аркан опутал шшхора, сделав видимым – бесформенный мерцающий ком размером с домик в Долине, где жила сама Клара, – прилип, словно паутина, и с каждым движением шшхор только сильнее в нём запутывался.

Сейчас, ещё немного...

Призрак отстал на время, сосредоточившись на попытках вырваться. Яростно завывал, перекатываясь в Ничто возле тропы, дёргался и бился, словно в падучей. Похоже, аркан его ещё и обжигал. Клара бы подержала его и дольше, но тут Хальбарт выдохнул:

- Сейчас упаду, госпожа...

- Всё! - Клара отпустила заклятие, и призрак, завывая, покатился в сумрак, сдирая с себя остатки прилипших молний. Он, конечно, вернётся - но они должны успеть убраться раньше.

- Пошли. Хальбарт, я помогу...

- Госпожа, - полуорк решительно перехватил едва передвигавшего ноги воина. - Ведите лучше нас, госпожа.

- Обоим премию из моей доли, - пробормотала волшебница, карабкаясь по призрачному склону к свету. - И преимущество при следующем найме.

- Справедливо, - довольно рыкнул десятник. - Ведите нас, госпожа, а уж мы-то не подкачаем!

* * *

Домой, в Долину, Клара Хюммель вернулась измотанная сверх меры; давно так не уставала, не злилась, давно не случалось с ней таких неудач, словно сама судьба делала подсечку за подсечкой. В судьбу Клара не верила - а вот в собственные промахи вполне.

После встречи со шшхором, оставившей Клару без сил, они с отрядом ещё довольно долгое время бродили по Междумирию, пытаясь пробить прямой путь в Долину. Их закинуло куда-то совсем далеко, но в один прекрасный момент Клара с облегчением начала узнавать известные приметы, поняла, где находится и сумела выстроить путь. Отряд получил причитающееся вознаграждение и отправился по домам - снабжённый амулетами, по найденным тропам в

ближайшие к Долине мира, где боевые маги обычно и набирали дружины.

А Клара же просто торопилась домой – следовало продумать доклад мессире Архимагу, ибо сбившиеся тропы, странное течение силы да ещё и шшхор означали зарождение в Междумирье чего-то странного, что не стоило оставлять без внимания.

Нет, по отдельности – ничего удивительного не было даже в шшхоре, но в совокупности, одно за другим...

Где-то не слишком далеко от Долины заваривалась изрядная каша.

Рассуждая так, Клара забыла на какое-то время даже про Аветуса – вспомнила только, войдя в пустой, пахнувший нежилым дом.

Да, Аветус здесь в последнее время не бывал, предпочитая окрестности самой Долине, встречаясь с волшебницей то здесь, то там, но когда-то... когда-то... Особенно остро ощутив эту пустоту, Клара поняла, что и весточки о себе он тоже не прислал.

И точно, ни письма, ни смешного рисунка, как когда-то, бывало, ни стопки исписанных желтоватых листков – порой он присылал ей свои записки прежде, чем отправлял их в печать.

Ничего.

Что ж тут поделаться...

«Клархен, душа моя, – знакомый старческий голос коснулся слуха легко, словно пёрышко. Мессир! Самолично! – Ты вернулась, цела и невредима, хвала всем силам священным и заповедным. Прошу тебя, дорогая, зайди нынче ж вечером, будь добра – завтра Совет, а я хочу поговорить с тобой прежде него».

«Буду как стемнеет, владыка, и надеюсь, наше уединение никто не нарушит!»

«Клархен, – волшебница почувствовала, как Архимаг шутливо грозит пальцем, – общение с наёмниками тебе не на пользу, шутки становятся всё более

двусмысленными! Буду тебя ждать, дорогая».

Мессир Архимаг... Некогда Кларисса Хюммель, адептка первого года обучения, потеряла в одночасье обоих родителей – и как-то само собой получилось, что прославленный чародей, милорд мэтр Игнациус Коппер заменил ей семью. Он никогда не помогал напрямую, считая, что так она ничему не научится, но всегда ободрял и указывал путь; всегда подсказывал, как повести себя с тем или другим человеком, кому доверять, а кому не стоит – и никогда не ошибался. Остужал, если Клара выходила из себя; необидно журил, когда бывала несправедлива или излишне резка; от души хвалил, когда делала успехи. И если б не Архимаг и не собственное упрямство, навряд ли она добилась бы того, чего добилась, – владения мечом и магией на уровне лучших чародеев Долины, частых, хорошо оплачиваемых заказов, уважения в Гильдии, места в Совете...

И да, порой она позволяла себе с ним фривольные шутки, сама не зная зачем; ей казалось, что старому чародею они приятны, забавляют, смешат.

А ей хотелось, чтобы ему было лучше.

Клара швырнула в угол вещевого мешок, сбросила куртку, отстегнула перевязь со шпагой.

Прежде всего – чистка. Оружие и доспех должны блистать, как бы ей, Кларе, ни хотелось залезть немедленно и более того, сейчас же в горячую ванну. Силы небесные, сколько ж дней и недель она была этого лишена!..

Прислугу Клара, в отличие от большинства магов Долины, не держала. Дом был её крепостью, и даже Архимаг не мог зайти сюда без приглашения – то есть, конечно, мог бы, но не заходил, прекрасно понимая Кларину натуру. Единственным, кого она пустила сюда, был Аветус.

Но у этой защищённости, у этой крепости были свои недостатки. Например, чистить оружие и готовить себе ванну приходилось самостоятельно.

Дверной колокольчик брякнул именно тогда, когда клинки и кольчуга уже сияли, а горячая ванна исходила ароматным паром; на деревянном столике в боевом порядке выстроились склянки с кремами и восстанавливающими маслами – вот что значит иметь родственниц в Гильдии парфюмеров, сама Клара этим бы

никогда не озаботилась, но троюродные племянницы считали, похоже, своим долгом снабжать «тётушку Клариссу» всем, чего душа пожелает.

Колокольчик грянул вновь – а сама Клара стояла при этом в одной нижней рубашке. Ругаясь на чём свет стоит, волшебница снова натянула штаны и прищёлкнула пальцами, открывая входную дверь. Спустилась навстречу гостю – кого это, интересно, принесло?.. Архимаг прийти не должен, да если б даже пришёл – не стал бы звонить в колокольчик, дал знать о себе мыслеречью; у Аветуса был ключ, а больше Клара никого не ждала.

В дверях собственной персоной маялся Ричард, кавалер д'Ассини.

Самый молодой в истории Гильдии боевых магов её глава; красавец и сердцеед; прекрасный фехтовальщик, поговаривали – что и дуэлянт, особенно когда дело происходило подальше от зорких глаз мессира Архимага; обладатель внушительной коллекции зачарованного оружия, а также бархатного бордового берета с пером, сделавшегося в Долине притчей во языцах; хладнокровный и сильный боевой маг; и прочая, прочая, прочая...

Клара вдруг устыдилась того, как небрежно она выглядит: босая, грязная, уставшая, в прилипшей к телу пропотевшей рубашке.

– Чем обязана, Дик? – буркнула она, глядя в притолоку.

Ричард понял её правильно и коротко поклонился:

– Прости, Клара, дорогая, вижу, что я не вовремя. Могу зайти попозже, но... у меня важные вести.

Клара вздохнула и покачала головой. Важные вести у него, видите ли. Нет на свете таких вещей, которые для неё были бы сейчас важнее настоящей горячей ванны – если не считать письма от Аветуса.

Ричард отчего-то продолжал мяться на пороге, совершенно не похожий на всегдашнего победительного себя; к боку он прижимал объёмистый свёрток – нечто, небрежно завернутое в походный плащ. Что там у него, очередные гоблинские амулеты невиданной силы? Черепа вымерших драконов? Мечи-

кладенцы?

Не отделаешься ведь от него, с этими «важными вестями». Небеса и бездны, пусть уж скорее.

– Слушаю тебя, Дик, – вздохнула она.

– Клара, гм, Клара... – Ричард взглянул на неё странно, словно бы с жалостью. – Официально я пришёл позвать тебя на срочное заседание Гильдии, ровно через два часа. Неофициально... я хотел сказать сам. Подумал, лучше тебе знать заранее.

У Клары сердце подпрыгнуло и ухнуло в пропасть. Силы великие, что ещё случилось?!

Ричард шагнул к круглому столику в углу и осторожно положил на него свёрток. Внутри что-то брякнуло.

– Посмотри.

Медленно, как в дурном сне, Клара развернула истрёпанную ткань. На покрытом пятнами и местами прожжённом тонком сукне лежали кинжал в простых чёрных ножнах, гладкое серебряное кольцо, маленький ключ с затейливой бородкой и резная костяная шкатулочка, почему-то покрытая сверху копотью; в этой шкатулке – знала Клара – хранились писчие принадлежности.

Вещи Аветуса.

– Ключ от моего дома, – мёртвым голосом сказала Клара. – Как ты это нашёл, Дик? И где? И что... с ним?

Ричард замялся, прикусил губу, избегая глядеть ей в глаза.

– Да, вещи Аветуса Стайна, Клара. Теперь... теперь мы точно знаем, что он погиб, а не пропал без вести. Да... Прости, что я... – он запнулся, – что я принёс тебе эту весть.

Клара молчала, в упор глядя на разложенные вещицы. Тишина становилась невыносимой, и Ричард заговорил вновь:

– Мы со страж-орками... был глубокий рейд, к самому Дну Миров... вернулись только что, одновременно с тобой, я домой едва успел заскочить... – он стащил свой всегдашний берет, зачем-то пригладил волосы. – Странные там места, Клара, и опасные – я троих потерял, отличных ребят... Тьфу, о чём это я... – Он по-прежнему избегал смотреть Кларе в глаза. – Как нашёл, спрашиваешь?.. На след наткнулись, старый, даже очень, но явственный. След боевой магии, знакомой... Пошли по нему, по следу, значит – спустились в один из тамошних миров, то ещё местечко, доложу я тебе... А там – следы боя, оплавленный камень, эхо мощных заклятий – и могила. Зачарованная могила.

Клара судорожно вздохнула. Вот, значит, как...

Ричард совсем сник. Слова он вытаскивал с изрядным трудом.

– Вот только мы не знали, что она зачарована, могила та. Моя вина, Клара, я не проверил, дурак этакий... Плиту только подняли – под ней Аветус, ну, совершенно как живой... только ожоги на правой щеке и руки сильно обгорели. До сих пор у меня перед глазами. А потом всё как полыхнуло, как рассыпалось в прах, и осталось вот... только это. Если там и были какие-то записки, то они... нет больше ничего.

Ричард говорил медленно, запинаясь, совершенно не похожий сам на себя. А Клара молчала. Слова улетучились, чувства ушли, осталась одна только пустота.

– Местных мы, конечно, расспросили с пристрастием. Не знают они, кто Аветуса похоронил, да и то сказать, не по силам тамошним такие чары сотворить. Мир у них вообще странный – ко Дну близко, потоки мощные, грубые, то и дело из Межреальности какую-нибудь тварь выносит; ну а она, само собой, местных жрёт. С какой-то из них Аветус и бился, и погиб, достойной боевого мага смертью. Но с кем, как и, главное, кто ему глаза закрыл – не ведают, говорят, попрятались и долго не вылезали. Ещё, говорят, в тех местах дракона видели...

Чародей запнулся и умолк окончательно.

– Я это кольцо и забыла уже, – тихо проговорила Клара. – Подарила ему когда-то давно... Думала, потерял, не носит, обижалась. А оно у него, оказывается, при себе было...

– Клара... Клархен... – Ричард неловко обнял её, и волшебница не отстранилась. Не потому, что нуждалась в утешении, особенно от Ассини – потому, что ей стало всё равно. Всё стало безразличным, всё потеряло смысл – некого больше ждать и не на что надеяться.

– Клара... Я – я тебе сочувствую, дорогая, очень, – Ричард погладил её по плечу. – Знаешь что? Заседание Гильдии будет посвящено памяти Аветуса, я расскажу о походе, о том, как его нашёл, – но ты не приходи. И так всё знаешь. Побудь дома. Разреши мне только кинжал забрать – покажу нашим.

– Конечно, – Клара механически кивнула, отстраняясь. – Забирай. И... до завтра, Ричард.

Но про Архимага она не забыла.

Ничего не видя и не замечая вокруг, приняла ванну, оделась. Вещи Аветуса так и остались лежать, где лежали – у Клары не доставало духу прикоснуться к ним.

В сумерках, когда часы на Часовой площади отбили восемь, она стояла возле дома мессира Архимага Игнациуса Коппера. Над калиткой, увитой плющом, покачивался фонарь с магическим огоньком внутри, окна за оградой мягко светились, и всё, кажется, оставалось по-прежнему, привычно и тихо. Милая Долина, родной дом...

Калитка бесшумно отворилась, Игнациус сам вышел на крыльцо, протянул навстречу руки:

– Клархен, бедная ты моя... Знаю, всё знаю, дурные вести разносятся быстро. Пойдём в дом, там поговорим.

Клара на деревянных ногах последовала за ним. Архимаг жил весьма скромно. Дом его не шёл ни в какое сравнение с дворцами, какие возводили для себя иные старинные семейства, в особенности целителей и иллюзионистов. И внутри

обстановка тоже скорее рабочая: массивные шкафы с книгами, тёмные деревянные панели на стенах, письменный стол, на котором в маниакальном порядке разложены документы, рукописи, артефакты; единственным предметом, напоминавшим о бурном прошлом Игнациуса, был Костяной Трон – высокое кресло из черепов разнообразных хищных тварей, уничтоженных лично мессиром Архимагом в те времена, когда он хаживал по дальним мирам и Междумирью, в бытность свою боевым магом и членом соответствующей Гильдии. Клара покосилась на шипастые, рогатые, бугристые и прочие черепа, подпиравшие Трон, и подумала, что когти шшхора тоже неплохо бы здесь смотрелись. Жаль, не удалось оторвать.

На столе, как обычно, – чай, бисквиты, земляничный джем; Архимаг тоже не держал прислугу, но ему-то, с его могуществом, достаточно было только бровью повести, чтобы переделать всю домашнюю работу. К изумлению Клары, как только они вошли, на комнату легла плотная пелена магической защиты, слегка приглушившая звуки и свет.

– Садись, Клархен, не стой, как укор совести. Знаю, у тебя ни кусочка во рту не было с самого возвращения – поешь. Разговор предстоит серьёзный.

«Всё-таки хорошо он меня знает, – подумала Клара, вяло окуная ложечку в джем. – Я действительно не ела и не хочу. И никаких серьёзных разговоров тоже не хочу, но ведь я обещала помочь... И помогу, не будь я Клара Хюммель!»

Мессир Архимаг, надо признать, не вмешивался в личную и семейную жизнь магов Долины – кроме случаев совсем уж вопиющих. Вот и сейчас, даже зная о постигшем Клару несчастье, он терпеливо ждал, пока она допьёт чай и отодвинет чашку. И она была благодарна ему за молчание.

– Мессир... Последний заказ, тот, что был для вас важен...

– Клара, милая моя, – Игнациус вздохнул и потёр лоб, словно очень устал. – Погоди-ка... Прими моё сочувствие твоему горю. Мои соболезнования. Поверь, я знаю, что это такое – терять близких. Аветус был тебе очень дорог, и мне ведомо, как тяжело ты переносишь всякую утрату. Утешать не стану – утешить здесь нельзя, такие раны лечит только время, да и то не до конца. Но, Клархен, ты истинный боевой маг. Ты не какая-нибудь погодница или парфюмерша, не хрупкий цветочек, который вянет от первого же дуновения. Жалость для тебя не

годится, дорогая моя. Поверь, самое лучшее лекарство сейчас – это новое дело. Дело настоящее, нужное, сложное.

У Клары перехватило горло, и в глазах как-то подозрительно помутилось.

– Да... – она кашлянула, постаравшись скрыть дрожь. – Спасибо, владыка. Всё... всё верно.

– Ты сейчас мне очень нужна, Клара. Нужна здесь, в Долине – помнишь, мы говорили об этом? Завтра собирается Совет, и, признаюсь, меня он чрезвычайно беспокоит, да-да. Но прежде обсуди, как прошёл поход. Ты задержалась в пути – что случилось?

Клара как могла кратко пересказала свои злоключения, присовокупив листки с характеристиками изменений в потоках силы. Мессир Архимаг слушал внимательно, потирая подбородок, задавал иногда вопросы – особенно его заинтересовали координаты предполагаемой аномалии.

– Далековато, мессир, навряд ли есть какая-то серьёзная опасность для нашей Долины...

– Как сказать, милая Клархен, как сказать... – Игнациус о чём-то задумался. – Далек-то оно далеко, а потом вдруг р-раз – и под самым носом. Дважды нас пытались штурмовать всерьёз, ещё нескольких ретивых завоевателей мы остановили на дальних подступах – до твоего рождения, ты не помнишь...

– Как это «не помню»? – аж возмутилась Клара. – Я читала! Учила! Кристаллы памятные глядела!.. Рог'Дромос с его тварями, а до этого – Хигнагос, и...

– Хорошо-хорошо! – Игнациус вскинул руки. – Помнишь. Так вот, оба настоящих, самых тяжёлых штурма начинались с малопонятных возмущений где-то в безопасном отдалении. А потом вдруг всё это оказывалось у нас на пороге, и приходилось... – мессир поморщился. – Все, способные носить оружие... враг у ворот... последний бой, он трудный самый... В общем, повторения б не хотелось.

Да, дела тогда были жаркие – правда, времени минуло столько, что живых свидетелей тому, кроме самого Игнациуса, уже и не осталось. Ну, может, ещё

целитель Динтра – но он, кажется, всё-таки не настолько стар...

Архимаг тревожился явно и сильно, Клара невольно тоже напряглась и с удивлением почувствовала, что ей лучше: с души схлынула мертвящая апатия, голова занялась привычными подсчётами, сколько людей и припасов потребовалось бы для глубокой разведки, и с чем, возможно, пришлось бы столкнуться на месте.

И по всему выходило, что шшхор, едва не угробивший отряд, – это даже не цветочки, а бутончики по сравнению с предполагаемой неведомой опасностью.

Игнациус словно угадал её мысли.

– Да, Клара, да, этот... разрыв плавности Междумирья меня весьма заботит. Прежде всего потому, что не каталогизируется. Никем не описан, ни разу не наблюдался. Отсюда вывод – опасность может быть весьма велика, но точного ответа, конечно же, нет. И это возвращает нас к прошлому разговору и... и, увы, к твоей Гильдии.

Клара досадливо отвернулась.

Мессир Архимаг Гильдию боевых магов отчего-то недолюбливал, как и всё, связанное с насилием и войной. И добро бы было так изначально, так ведь нет, Трон-то Костяной – эвон, стоит, как молчаливое напоминание о том, что господин Игнациус Коппер сам состоял в одной Гильдии. И сидеть на нём господин Коппер вовсе не гнушается.

Да, вот так – состоял, а потом отрёкся, несмотря на бытовавшее в Долине выражение «бывших боевых магов не бывает». Однако мессир Архимаг, похоже, задался целью доказать именно это – из Гильдии вышел, занявшись Академией Высокого Волшебства и налаживанием дел во всей Долине.

– К моей Гильдии, – эхом повторила Клара.

– Да, дорогая, – мессир Игнациус сразу как-то сгорбился, вздохнул. – К твоей Гильдии. Славной, многочисленной, богатой. Во главе с решительным, храбрым, дерзким Ричардом д'Ассини. О да, он прекрасный мальчик. Талантливый,

обаятельный, энергичный, всех достоинств и не перечислишь. Я всегда знал – за ним большое будущее. Но увы, Клархен, увы, достоинства порой оборачиваются недостатками, молодость зачастую излишне горяча. Ты ведь наверняка слышала разговоры, догадываешься, о чём завтра на Совете пойдёт речь...

– Знаю, владыка. Вести доходили – ещё до моего похода. Расширение Гильдии, увеличение приёма интернов и соискателей, право для нанятых отрядов пребывать в пределах Долины. Но, мессир, право же, я не совсем понимаю – вас встревожило именно это?

– Чуть-чуть терпения, дорогая, и всё станет ясно. Молодость, Клара, – прости, я помню, что и ты молода, – как я уже сказал, имеет свои недостатки. Вот и Дик – честный, порывистый, предан Долине всей душой. Не терпит несправедливостей, сражается с ними всюду, где только встретит, – мессир подоброму усмехнулся. – И, как свойственно пылкой юности, зачастую видит их там, где имеется лишь осознанная необходимость.

– Осознанная необходимость?..

– Баланс. Равновесие. То, что иногда называют справедливостью. Гильдий в Долине много, они очень разнятся, и маги в них разные, сравни хотя бы того же Дика и Октавиуса Бенбоу, нашего любимого председателя Совета...

Октавиус был старый сухарь, зануда и помешанный на соблюдении правил книжный червь, хотя без этих качеств, признавала Клара, было бы чрезвычайно трудно вести заседания Совета Долины, порой весьма бурные.

– Так вот, Клархен, ты же не думаешь, что квоты на интернов, на численность Гильдии, что сами законы Долины, аккуратное, но твёрдое правление, – не думаешь же ты, что всё это появилось случайно? Я учился у Основателей и у их учеников, я знаю, почему Долина живёт именно так, а не иначе. Всё было рассчитано и продумано давно, чтобы сохранять равновесие, установить баланс интересов, чтобы никто не тянул одеяло на себя и не... претендовал на особую роль.

Он сердито перевёл дух, а Клара поймала себя на том, что и в самом деле никогда не задумывалась, почему Долина живёт именно так. Ей всегда хватало самого простого объяснения – потому что так лучше для всех, и для неё, Клары,

тоже.

Правда, сказанное мессиром тоже звучало странно и ясности не прибавляло. Да, Гильдия боевых магов растёт в числе, нет отбоя от просящихся в интерны; но как это может угрожать благополучию Долины?

– Владыка... Меня тоже беспокоит Ричард, он слишком напорист, слишком... слишком вездесущ. Ему во всё надо влезть, всё надо знать, во всё вмешаться. Иногда говорят, что из него вырастет чуть ли не... не...

Клара запнулась.

– Чуть ли не новый Архимаг, – с улыбкой закончил Игнациус. – Не бойся, я не обижусь, девочка. Наступит день, когда вслед за мной и в самом деле должен будет прийти новый Архимаг – или Архимагиня. И Ричард – по своему потенциалу – вполне этого был бы достоин. Если, конечно, избавится от множества присущих ему недостатков и также многому научится.

– Сомневаюсь, – буркнула Клара. Отчего-то ей стало неприятно, что именно Ричард принёс весть о гибели Аветуса. Но ведь он глава Гильдии, оборвала она саму себя, даже если бы могилу нашёл кто-то другой – всё равно разговаривать пришёл бы он.

Мессир верно почуял её настроение.

– Не будь к нему слишком строга, Клархен, – он поморщился. – Конечно, Дик ещё слишком несдержан и склонен к самым радикальным решениям, но это простительно. Его горячность и прекрасные порывы нам с тобой, – Игнациус сделал ударение на словах «с тобой», – надлежит направить в верное русло, на пользу Долине, самому Ричарду и всем остальным. Архимагами, знаешь ли, не рождаются. Вот послушай, что я по этому поводу думаю; надеюсь, дорогая, слова мои тебя убедят...

* * *

Утро в Долине магов всегда начинается одинаково – ясным прохладным рассветом, который в однажды и навсегда установленной последовательности

продолжают освежающий дождик и лёгкий ветерок, быстро высушивающий лужи; утро раскрывается в тёплый, но не жаркий день, в свой черёд тонуший в ясных, чистых красках заката; а сквозь них уже остро блестят первые звёзды. В Долине всегда царит поздняя весна с её буйным цветением и ярким солнцем; не случается ни затяжных ливней, ни бурь, ни, упасите все известные боги, снега. Управляющие погодой заклятия так хорошо отлажены, что следить за ними ставят практикантов из Гильдии погодников, и худшее, что тогда может случиться, – утренний дождик продлится лишних десять минут.

Мы так привыкаем к этому, думала Клара Хюммель, меряя шагами чисто выметенные гоблинами-уборщиками и омытые дождём улицы. Привыкаем к хорошей погоде, к безопасности, чистоте, удобству. К богатству, в конце концов. Нам кажется, что таков естественный порядок вещей, что все достойные живут так же, а те, кто беднее нас – просто хуже работали, или не так талантливы, или не особенно везучи, словом, сами виноваты в своих несчастьях.

Наверное, одни только боевые маги ещё помнят, что на свете бывает непогода, тяжёлый труд и опасности, что никуда не делись роковые случайности и неравные бои. Все прочие маги Долины, подражаясь работать в иных мирах, вправе требовать для себя удобств, все: целители, погодники, строители, садовники... И только воины служат там, где надо, а не где хорошо и безопасно.

Она тут же вспомнила мессира Архимага и возразила сама себе: а разве Долина этого не заслуживает? Этого уюта, покоя, достатка? И кто тогда заслуживает, если не мы? Разве на нас всё это упало с неба?.. Разве целители не заработали свои дворцы? Или иллюзионисты с парфюмерами? Или иные гильдии, столь же мирные?.. Есть ли во всей вселенной ещё кто-нибудь, кто может сравниться с магами Долины?..

Нет. И в этом мессир Коппер, безусловно, прав.

Вот и Ратушная площадь, и сама Ратуша, как её привыкли называть в Долине, – здание, где заседал Совет. Оно не слишком выделялось среди особняков, окружавших площадь – двухэтажное, изящное, с громадными витражными окнами, двумя лёгкими башенками, с широкой лестницей и двустворчатыми дубовыми дверями с затейливыми бронзовыми ручками; створки сейчас были распахнуты настежь: маги и волшебницы, разодетые, взволнованные, парами и группками входили внутрь.

– Клархен! Клара, дорогая!

Клара Хюммель обернулась – её нагоняла большая компания магов, все – из её Гильдии. Те, кто, как и Клара, имел в Совете право голоса – Рита Рикарди, Мелвилл, Роберт Кламон – очень талантливый (оттого и доросший до места в Совете в свои юные годы), но до болезненности застенчивый юноша; а ещё те, кто пришёл поддержки ради или же просто из любопытства. Сегодня, в отличие от строителей, иллюзионистов, погодников и прочих, боевые маги не щеголяли в вычурных нарядах – хотя многие могли себе их позволить и позволяли. На Совет же все они, как один, и даже Клара, явились в походно-боевом снаряжении – вычищенном, починенном, но походном. Куртки из шкур драконейтов и виверн, штаны с чешуйчатыми заплатами, краги, пояса с кинжалами в наборных ножных, лёгкие бандольеры для алхимических снадобий и амулетов, не хватало только кольчуг со шлемами и хауберками да верных клинков, кои на Совет брать было не принято.

В другое время Клара обрадовалась бы товарищам по Гильдии как родным, но сегодня отчего-то отвела глаза.

– Клара, милая!.. – Рита обняла её, хотя они никогда не были подругами. – Мы вчера узнали про Аветуса... Горе, какое горе!.. Держись, дорогая, что тут ещё скажешь. Мы все надеялись, что он жив, просто, как всегда, бродит где-то сам по себе...

Клара пробормотала под нос нечто невнятное. Щёки против воли залила краска – да что же это, почему, отчего? Ей совершенно нечего стыдиться!

Рита расценила её ответ по-своему и сочувственно закивала. Была она уже немолода, старше даже Мелвилла, заказы брала нечасто, но место в Совете пока сохраняла за собой. Впрочем, возраст Риты выдавали разве что совершенно седые волосы – хотя седину-то она заработала как раз в молодости, попав под заклятие Пожирателя Душ. Выжила, выбралась, но седые волосы так и не перекрасила в память о том страшном дне.

Мелвилл, которого никто никогда не называл по фамилии (чаще прибавляли эпитет «старый греховодник») – Мелвилл ободряюще, товарищески хлопнул Клару по плечу. Роб Кламон, смущаясь, выпалил: «Соболезную!» И все остальные так или иначе старались выразить ей своё сочувствие. Клара бледнела,

краснела, не знала, что ответить, пока Рита не скомандовала: «Да пойдёмте уже, а то начнут без нас!»

«Наверное, всё это оттого, что не привыкла я к сочувствию, – в смятении думала волшебница. – Да и чувства напоказ никогда не выставляла – зачем? Другая уже бы обрыдалась вся на публику, а я... я не могу».

– Спасибо, что пришла, Клара, душечка, – Рита Рикарди погладила Клару по плечу. – Дика надо поддержать всеми силами! Знала б ты, каких трудов ему стоило протащить нашу повестку!.. С каким скрипом через Октавиуса всё прошло! А Трагне – Трагне этот, без году неделя как глава Гильдии, а туда же, все наши предложения – в корзину. Но не на того напал, не выгорело у них! Дик не сдавался, и мы не сдавались! Гильдии давно пора расширяться, крылья расправлять, дальше идти – иначе зачахнем. Да и Архимаг...

– Что – Архимаг? – удивлённо переспросила Клара.

– Да так, – Рита скривилась, словно куснула лимон. – Стар он уже, Клархен. Стар, осторожен, только о покое и думает, как бы чего ни вышло. Знаю, он тебе как родня, прости, да против правды не попрёшь.

Это было уже совсем серьёзно.

«Они не понимают, – с горечью подумала Клара. – Видят только себя. Дик всем ухитрился мозги запудрить, как на деле всё обстоит, никто и знать не желает! Ох, прав был мессир Игнациус, совершенно прав...»

Они вошли в зал Совета – просторный, высокий, в два этажа; скамьи тёмного дерева сбегали вниз амфитеатром, охватывая небольшую кафедру для оратора, внушительный стол для председательствующего и стоящее чуть в стороне простое деревянное кресло – место Архимага Игнациуса Коппера. Сам он, конечно, был уже здесь.

Архимаг, при всём своём влиянии, в Совете традиционно имел лишь совещательный голос, но всегда старался присутствовать. Редко, очень редко во время заседаний деревянное кресло пустовало – Игнациус почти не отлучался из Долины. Однако совещательный голос Архимага порой весил больше, чем половина действительных голосов, и одно его замечание способно было

изменить весь ход заседания.

Правда, не всегда.

По традиции, места боевых магов располагались с левого края амфитеатра; Ричард д'Ассини уже пришёл и махал вошедшим, зажав в руке знаменитый бордовый берет.

Народу в зал набилось много – наверное, явилась половина Долины, – и в воздухе висел густой, беспокойный гул голосов. Всех любопытствующих или пришедших ради поддержки пришлось оставить на верхних рядах, а Клара с товарищами спустились ниже, к Дику.

– Друзья... – Ричард склонил голову. – Роб, Рита, Мел, Клара – искренне рад тебя видеть. Ну что, все готовы? Дело у нас сегодня намечается небольшое, но горячее; в общем, мечи в ножны, огнешары не тратим, пользуемся только и исключительно магией слова!

Вокруг засмеялись, кто-то пошутил насчёт длины заклятия, но ответить Дик не успел – сверху, от входа, раздались размеренные и тяжёлые шаги, и гул в зале стал стремительно стихать. По традиции, последним являлся сам председательствующий, господин Октавиус Бенбоу, глава Гильдии хронистов, один из ректоров Академии Высокого Волшебства, уполномоченный по правам допущенных лиц, судья Единого Суда Долины и прочая, прочая, прочая. К тому же очень дальний Кларин родственник, если уж совсем точно – дедушка жены одного из троюродных братьев; как выразилась бы задушевная Кларина подружка Аглая Стевенхорст, нашему забору троюродный плетень.

Октавиус, как всегда, шествовал в полном протокольном облачении: тёмно-багровая мантия с белым кружевным галстуком, напудренный парик, додревняя папка со списком рассматриваемых вопросов и лиц, их заявляющих. Клара понимала тягу старика Бенбоу к традиции и протоколу: нелегко разыгрывать власть там, где она по-настоящему принадлежит совсем другому человеку.

Октавиус спустился «с превеликим достоинством», прямой, как палка, плечи развёрнуты, несмотря на годы и неискоренимую привычку хронистов сутулиться за письменными столами. Элегантно опираясь на посох, раскланялся с Архимагом – тот ответил столь же изысканно-вычурным поклоном – и солидно,

без спешки воссел на председательское место.

– Мессир Архимаг?.. – Октавиус утвердил на столе внушительную кожаную папку с повесткой дня и медленно кивнул Игнациусу.

Мессир тоже кивнул, поднялся, тяжело опираясь на парадный посох – Клара, пожалуй, не могла припомнить, когда ещё Игнациус выглядел бы таким уставшим, таким старым.

Но голос его вовсе не утратил прежней звучности.

– Господа маги, полагаю, мы можем начинать Совет. – В полной тишине он ударил посохом в пол и вновь опустился в кресло.

Традиция была соблюдена. Председательствующий справлялся у мессира Архимага, получал формальное разрешение и дальше уже вёл заседание сам.

Октавиус Бенбоу лёгким движением взбил пышный парик.

– Досточтимые господа члены Совета, господа присутствующие и наблюдающие! Благодарю нашего дорогого мэтра Игнациуса и объявляю заседание открытым.

Он вставил монокль (совершенно ему ненужный, но так внушительно смотрящийся), пододвинул к себе кожаный бювар с повесткой, раскрыл. Провёл ладонью по глянцевому листку, откашлялся. Клара не сомневалась, что старый пень знает оную повестку назубок, но господин Бенбоу не мог упустить и малейшей детали ритуала.

– Досточтимый Совет, уважаемые маги, гости сегодняшнего заседания!.. Повестка, м-м-м, «О текущем моменте, о состоянии Долины и мерах по улучшению оногo», подана прошением Гильдии боевых магов в лице главы оной, господина и кавалера Ричарда Даниэля д'Ассини, так, так... Правом, дарованным мне, как председателю, объявляю первого выступающего – слово для доклада имеет милостивый государь Ричард Даниэль д'Ассини. Прошу вас.

Дик поднялся, улыбаясь, легко сбежал по ступенькам. Тихий шёпот, порхавший по рядам, смолк – и в зале Совета воцарилась непривычно-тревожная тишина.

Архимаг сидел, чуть отвернувшись от кафедры, Октавиус Бенбоу застыл за своим столом точно восковая кукла.

– Многопочтенные маги, жители моей любимой Долины! – Ричард обвёл зал внимательным взглядом. – От всего сердца благодарю вас за то, что пришли сюда. Я поднялся на эту кафедру не отнимать ваше время, поверьте, но чтобы поднять вопросы не только назревшие, но и перезревшие. Мы слишком хорошо живём, у нас всё покойно, и нам кажется, что так будет всегда. Но, чтобы оно и прекрасное «так» и впрямь оставалось «всегда», иногда требуется кое-что подправить. Даже самый лучший механизм нуждается в проверке и смазке, самое надёжное закливание – в обновлении и поддержке. Нет ничего вечного и неизменного, даже законы и уложения нашей Долины время от времени нуждаются в... коррекциях.

Зал слушал, затаив дыхание, и Клара тоже. Ричард, надо признаться, умел говорить – и, если б не Игнациус, Клара бы не задумываясь ему поверила; хотя, по сути, он ещё ничего не сказал, сплошные вступления да подведения.

– Да, дорогие мои, в коррекциях, в изменениях! – д’Ассини возвысил голос. – И я скажу, в каких именно.

Надо же, подумала Клара, до сих пор никто не выкрикнул «к делу!» или там «хорош тянуть!».

– Не секрет, что мы, боевые маги, всегда идём первыми. Мы прокладываем тропы в Междумирье, мы сопровождаем вас, когда вы отправляетесь в дальние миры, мы охраняем границы нашей дорогой Долины! Но...

– Протестую, господин председатель! – глава Гильдии менторов, многозаслуженная и монументальная Розалия Дотти, просто не могла промолчать. – Господин д’Ассини намеренно вводит Совет в заблуждение!..

– Спокойнее, спокойнее, госпожа Дотти, не перебивайте оратора! – Октавиус Бенбоу сдвинул кустистые брови и строго уставился на магичку.

– Как это «не перебивайте»?! – возмутилась та. – Этот молодой человек заявлял о «сопровождении» – а его-то мы от боевых магов в последнее время и не можем добиться!.. Тропы всё чаще сами прокладываем, как уж получается!

– Сквалыги вы всем известные потому что! – прогудел кто-то из рядов целителей.

– Ничего подобного! – подскочила Дотти, обильные телеса её заколыхались. – Мы не пытаемся лишить боевых магов честного заработка, мы готовы платить, но... у них же теперь и простого эскорта не допросишься! Вот, например, господин д'Ассини, не далее как месяц назад двое наших менторов самостоятельно отправились в Межреальность, безо всякой охраны, без дороги, потому что ваша Гильдия...

– Тихо! – председатель взялся за молоток. – Госпожа Дотти, я лишаю вас слова. Запишитесь для выступления в прениях и там сможете высказать кавалеру Ричарду всё, что сочтёте нужным.

– Но я...

– Сейчас удалю из зала заседаний! – загремел Октавиус, дождавшись едва заметного кивка мессира Архимага. – Господин д'Ассини, продолжайте, пожалуйста.

– С охотой, – кивнул Ричард, улыбаясь. – Слегка поменяю план своей речи, забегу чуть дальше, и скажу, что совершенно согласен с досточтимой госпожой Дотти! – Он оперся о кафедру, повернулся к менторше: – Вы совершенно правы, милостивая государыня! Всё верно, ваши менторы отправились в опасный путь без должного сопровождения. Я знаю, каково приходится и погодникам, и целителям, и иллюзионистам – да всем, чья безопасность зависит от того, найдётся ли вовремя боевой маг, дабы провести сквозь кишашую опасностями Межреальность. Вот потому я сейчас здесь и стою!

Зал зашумел, дело и впрямь касалось всех и каждого – за исключением, может быть, хронистов; но и они время от времени покидали Долину в поисках заказанных сведений и документов.

– Да, государи мои, эскорт боевых магов – а зачастую и охрана в беспокойных мирах – нужен всем гильдиям. Но можем ли мы обеспечить им всех желающих вовремя и по умеренной цене? Нет, господа, не можем! И не только лишь потому, что законы Основателей запрещают нам вздувать собственные

гонорары, но и потому, что нас, боевых магов, попросту мало!.. Мы не можем обеспечить немедленную защиту всем и каждому.

– Мало? – выкрикнул кто-то из иллюзионистов. – Да вы как на дрожжах растёте!..

– Тихо! Тихо! – вошёл в раж господин Октавиус. Ему всегда нравилось усмирять и указывать на недопустимость.

По залу туда-сюда прокатывался шум. На скамьях целителей уже спорили и жестикулировали, пока вполголоса и в рамках приличий, но Кларе доводилось помнить, как подобные разговоры – по принципу «слово за слово» оканчивались рукопашными схватками.

Да, боевых магов мало. И да, они нужны.

– Во-первых, – чутко уловил настроения слушателей Ричард, – мы, увы, не растём «как на дрожжах». Мы, господа, замещаем потери. Я вернулся сюда, в Долину, с горестной вестью – всем нам известный, всеми нами любимый маг Аветус Стайн, увы, погиб, пал смертью храбрых, защищая простых смертных в дальнем мире от явившегося по их души неведомого ужаса.

Клара стиснула зубы. Ну зачем, зачем он это приплёл?!

В зале мгновенно стало очень тихо. Безвременная гибель любого из чародеев Долины всегда была чрезвычайным делом, даже и боевого мага, несмотря на постоянный риск.

– Прошу вас, господа Совет и все присутствующие, почтить память нашего товарища минутой молчания.

Весь зал поднялся дружно, в едином порыве. Клара услышала, как кто-то всхлипнул.

– Благодарю вас, – выждав приличную паузу, негромко сказал Ричард. – Прошу садиться, господа. Так вот, мы не столько «растём», сколько затыкаем прорехи в наших рядах. Целители, строители, менторы, иные гильдии – все вы ходите всё смелее и дальше, пробираетесь во всё более отдалённые миры. Вам требуется

эскорт боевых магов на всё большее и большее время – а нас, увы, совершенно недостаточно. Да, Гильдия, кою я имею честь возглавлять, не бедна, далеко не бедна – но золото не сделает в один миг боевого мага из мальчишки или девчонки, даже если они талантливы. Боевой маг не возникает на пустом месте, как волдырь, правда? Не всходит сам собой, подобно траве в саду – как и любой другой маг, кстати. Его надо вырастить, выучить, это дело долгое, трудное, дорогое – нам неоткуда взять сразу много хороших боевых магов, пусть даже они очень нужны.

Даже если нам сейчас разрешат расширить Гильдию, позволят принимать больше интернов; в конце концов, даже если Совет позволит упростить необходимые для членства испытания, облегчит их – даже в этом случае достаточно боевых магов появится далеко не сразу. Но сделать это надо, досточтимые слушатели, иначе мы так и завязнем на перепутье, ни взад, ни вперёд.

Конечно, – сделал паузу Ричард, – если уважаемые коллеги решат сократить свою, э-э-э, активность в дальних мирах, если сама собой уменьшится надобность в боевых магах – тогда, конечно же, можно ничего не менять. Но можем ли мы себе это позволить, такое самоуспокоение? Разумеется нет, я считаю!..

Шум меж тем становился всё громче.

– К делу, к делу! – выкрикнул кто-то с задних рядов.

– Да, вырастить нового боевого мага – это дело не одного дня, друзья мои, однако кое-какие меры предпринять можно немедленно. Меры совсем несложные, господа. Вам всем прекрасно известно – у каждого состоявшегося чародея, полноправного члена нашей Гильдии, есть свой отряд. Дружина. Воины, на которых он опирается; кои многократно усиливают его, э-э... его действенность. Это, досточтимые, всё равно что меч для воина. И свои мечи всякий воин, конечно же, держит под рукой. Всегда. Но – нам это запрещено! Поневоле приходится набирать отряды в других мирах; держать их там, потом отправляться, отыскивать их, собирать заново... А находиться таким бойцам поблизости, скажем, как арендаторам-пахарям – прямо запрещают законы Долины! Вот вы, многодостойная госпожа Дотти – я, конечно же, помню ваших менторов. Они не согласились ждать, пока наш маг соберёт хотя бы половину отряда – и я, честно сказать, не знаю, достигнут ли они цели, ибо пути в

Междумирье стали куда опаснее.

– Если не дойдут, то их жизни будут на вашей совести! – госпожа Дотти воздвиглась над скамьёй точно прибрежный утёс, не обращая внимания на вздетый молоток председателя. – Ваш маг, этот ваш Кламон, мог бы пойти и один!

– Нет! – рявкнул в ответ Ричард, и зал удивлённо примолк. – Не мог!.. Ибо это впрямую запрещал ему Устав нашей Гильдии. Уставы и правила подобного рода, милостивая государыня, пишутся кровью. Когда боевой маг отвечает не только за себя, когда он охраняет других – он не должен быть один. Его отряд даже в худшем случае должен вывести сопровождаемых в безопасное место и подать весть.

Поэтому, если с ними что-то случится, жизни их окажутся на совести у всех нас. Потому что это мы с вами вовремя не изменили закон, мы с вами не сделали так, чтобы ваши люди могли бы уходить с охраной в любое время! – Он перевёл дух и добавил спокойнее:

– А если бы Роб ушёл с менторами один, на нашей совести могло оказаться три жизни. С Межреальностью не шутят, господа! Путешествовать по ней в одиночку не храбрость, но глупость. Глупость и великий риск, вы готовы на него пойти?..

Маги несколько мгновений переваривали эту страстную речь, а потом кто-то выкрикнул:

– Ну и что ты предлагаешь, Ассини? К чему слова-то все?!

– Тихо!

– С вашего разрешения, господин председатель, я отвечу, – выпрямился Ричард. – Во-первых, разрешить наёмным отрядам чародеев нашей Гильдии постоянно располагаться здесь, в Долине. Во-вторых, снять ограничения на численность боевых магов, принимать всех желающих. Не все сделаются истинными её членами, но поручать им эскортные обязанности будет возможно. В-третьих, у нас сейчас не переходят из Гильдии в Гильдию. Предлагаю разрешить подобные переходы – наверняка среди и целителей, и погодников

найдутся такие, кому по душе придётся лихая жизнь боевого чародея. В-четвёртых, позвольте нам возвести полигоны и полосы препятствий, чтобы обучать как можно быстрее и лучше большее число интернов. Но начать можно хотя бы с наёмных отрядов и размещения их в Долине. Условия их пребывания мы ещё обсудим. Спасибо за внимание, господа Совет, спасибо, господа слушатели.

Он обернулся, слегка кивнул важному Октавиусу Бенбоу, чуть более почтительно поклонился мессиру Архимагу.

– Регламент выдержан, – проскрипел председательствующий. И немедленно сделал пометку в повестке дня. – Благодарю вас, господин оратор. Прения по докладу досточтимого кавалера Ричарда Даниэля д’Ассини прошу считать открытыми – спокойнее, спокойнее, господа маги, посылаем заявки на участие, соответствующим образом начарованные, в установленном порядке...

Листок в его кожаной папке затрепетал, заискрился, и, насколько могла понять Клара, там сейчас возникали «в очередности поступления» те самые «заявки на участие».

Почтенный Октавиус Бенбоу блаженствовал.

– Спокойно, господа, спокойно!.. Сударыня – да-да, вы, госпожа Эверард! – не надо пытаться сбивать заявку ваших же коллег!.. Соблюдаем регламент, господа, соблюдаем регламент!.. Так – заявки приняты, лимит достигнут!.. И первым у нас значится, – милостивый государь председатель выдержал паузу, – достопочтенный Эрреас Трагне, Гильдия целителей!..

– Благодарю, господин председатель! – сухопарый Эрреас Трагне – недавно избранный глава Гильдии целителей – поднялся с места; по влиятельности так едва ли не второй человек в Долине после Архимага, ибо его Гильдия традиционно была самой многочисленной. – Мы внимательно выслушали досточтимого кавалера д’Ассини и, признаться, я не очень понял – Дик, ты хочешь, чтобы мы пустили в Долину этих ваших... бойцов? Хорошее предложение, не спорю, и действительно для пользы дела. Но – где мы всех разместим? Сколько в точности воинов в этих ваших отрядах? На какой срок мы разрешим пребывание? Все эти тонкости тебе следовало продумать заранее!

– Именно это я и сделал, Эрреас, – усмехнулся Ричард. – Неужели бы я собрал здесь столько уважаемых людей, чтобы просто изложить, как говаривал один мой знакомый, своё видение ситуации? Нет, конечно! Всё уже рассчитано, послушайте...

– Я прошу слова! – Клара решительно встала с места. Очень не хватало шпаги на боку – хотелось положить руку на эфес. – Я хочу сказать!..

– Госпожа Кларисса Шварцхорн Хюммель, ваша заявка значитса отнюдь не под номером два! – возмущённо затряс париком Октавиус. – И прошу не думать, что наше с вами родство предоставляет вам...

– Я прошу прощения уважаемого Совета. Прошу прощения уважаемых коллег, записавшихся в прения по всем правилам, – Клара говорила громко и чётко, словно перед строем готового к атаке полка – был в её жизни и такой эпизод.

– Но теперь, когда проект фактически поддержан Гильдией целителей, боюсь, дальнейшее обсуждение уйдёт в какие-то частности. Уважаемый председатель, как член Совета, я прошу права на экстраординарное выступление, согласно регламенту!

За её спиной завопили, заголосили и затопали ногами – будто и не собрание почтенных чародеев, а огромный рынок и все яростно торгуются.

Старик Октавиус Бенбоу покраснел, потом побелел. Скрюченные пальцы вцепились в края кожаной папки – казалось, с глянцевого листка так и норовят прыгнуть поданные согласно всем правилам заявки.

– Регламент Совета Долины, статья 116, пункт 2, подпункт (б)! – внезапно пришла на помощь Кларе та самая Розалия Дотти. Ну, ментор, им и впрямь положено всё знать.

Мессир Архимаг чуть-чуть повернул голову и, как показалось Кларе, едва заметно кивнул ей – с явным одобрением. Здесь, в зале Совета, он не пользовался мыслеречью.

– В-верно... – проскрипел наконец Октавиус. – Благодарю, сударыня Дотти, но я и сам прекрасно помню все положения регламента. Госпожа Хюммель, как член Совета, вы имеете право на экстраординарное выступление, каковое не должно превышать...

– Спасибо, уважаемый председатель. – Уверенность расправляла крылья, словно плащ под ветром. – Досточтимые маги Долины! – Клара постаралась, чтобы её голос услышали все. – Много и справедливо говорил глава моей Гильдии, господин д'Ассини. Справедливо было замечание уважаемой госпожи Дотти. Лаконично, но по делу высказался многопочтенный коллега Эрреас. Всё верно – мы не успеваем порой отработать заказы на сопровождение наших же магов по Межреальности. И я полностью согласна с досточтимым господином Трагне, что поднятый вопрос следует вначале всесторонне обдумать!

Да, мы набираем наши отряды в других мирах, и там они квартируют, и живут своей жизнью, и требуется время, чтобы оповестить их всех, чтобы дружина прибыла бы в Долину. Однако предлагаемое Ричардом – взять и переселить всех этих людей и нелюдей сюда – совсем не выход!

Она перевела дух, внезапно вспомнив полуорка Тима и бывалого Хальбарта. Вспомнив, как они не бросили её, несмотря на приказ, как прикрывали, рискуя жизнью.

Правда, и она их тоже.

– Клара, дорогая, я очень ценю твоё мнение, – Ричард д'Ассини не скрывал удивления. – Однако, отчего ты так яростно возражаешь против очевидности? Что тебя смущает? И что ты предлагаешь?

Клара машинально попыталась положить руку на отсутствующий эфес рубиновой шпаги, но пальцы нащупали только висящий на поясе кинжал, сжали рукоять, словно она собиралась вот-вот пойти врукопашную.

– Что меня смущает? Смущают меня, Дик, крайне простые вещи. Для начала – сколько у нас всего дружинников, на всех?

Ричард вскинул голову.

- Примерно десять сотен. Если ты считаешь, что я не продумал...

- Десять сотен, ага, - кивнула она. - Это пяток таких вот залов, представьте себе, коллеги! Десять сотен бойцов, наёмников, оторванных от семей, у кого они есть, - чем им заниматься в Долине? Не всё же время они будут проводить в походах!

- Ха! Да у них сил только и останется до койки доползти! Мы их так займём, что маму родную забудут! - Рита Рикарди развернулась к Кларе, не вставая с места. - Ты, что ли, своих не гоняла, не муштровала?! Учения! Занятия! Боевое слаживание, стрельба, магические единоборства, патрулирование окрестностей Долины, в добавление к нашей не шибко многочисленной пограничной страже! Не пойму, чего ты взвилась, бойца как занять, не знаешь?! Будто ни в одной армии не служила!..

Конечно же, Клара в армиях служила - и князьям, и королям, и даже воинствующим орденам - всякий боевой маг, желающий набрать свою дружину, прежде обязан был пройти, прошагать в одном строю с теми, кого предстояло нанимать, похлевать с ними походной каши; но дело сейчас было не в этом.

- Во-первых, - принялась загибать пальцы Клара. - Дружинникам надо где-то жить. Крыша над головой, и не просто казарма. Дом. Многие ведь - которые из лучших - не захотят перебираться сюда без семей.

- У нас полным-полно арендаторов, - Ричард утёр пот со лба, глядя на Клару со всевозрастающим изумлением. - И у нас есть тобой же упомянутая пограничная стража. Которая тут именно что без семей, на договоре, в казармах... Клара, да что с тобой?!

- К этому, - прервала его Клара, - мы ещё вернёмся, а именно - к нашим порубежникам. А пока что скажу - отвечу уважаемой коллеге Рикарди. Будто ты не знаешь, Рита - ни в одной армии ни дня не служила, что ли? - воина от рассвета до заката каждый день по плацу гонять нельзя, не выдержит такого никто, сколько б золота ты ни сулила!

Придётся, придётся нам их и в увольнение отпускать! Это наши стражи границ тут на договоре, верно. Оттрубят два месяца - и домой, другой отряд им на смену. В Долине постоянно обретаются только такие, как всем ведомая

воительница Райна, которые ценз на право жительства выслуживают, если кто забыл!..

А наёмники наши – они ж тут должны всё время быть, Ричард! Ведь в этом соль? Чтобы не искать их, не бегать по мирам!.. У меня отряд последний – под пятью разными солнцами собирала! Менять их, как порубежников, чьё дело – вовремя тревогу поднять да тварей хищных отогнать – не получится!

Она перевела дух. Кажется, её слушали – даже старик Бенбоу забыл о регламенте.

– Десять сотен бойцов, очень многие из которых – с магическим даром, – зловеще проговорила она. – Которые привыкли жить весело и разгульно. Которые в своих собственных мирах в таверну войдут – всем встать и шапки долой! И все биндюжники вставали, когда в пивную...

– Что?! Кто?! Кто вставал?!

– Образное выражение, Дик, вырвалось, прости. Таким бойцам, как наши с тобой, нужно где-то повеселиться, покуражиться, может, даже и напиться до поросячьего визга. Мы не на их благонравие смотрим, когда нанимаем, а чтобы воин лихой был. Значит, что им тут потребуется? – да развлечения же! Те же таверны, пивные, лавки с товаром – не для нас, для них! – и, не побоюсь этого слова, бордели!..

– Бордели!.. Разврат! Поношение!.. Не допущу! – загремела досточтимая Розалия Дотти. – Через мой труп!..

Перебираться через её труп было б и в самом деле затруднительно, подумала Клара. И да, чего ещё ожидать от главной менторши?!

– В общем, готовься, Ричард, возвести прямо тут, у нас, в Долине, целый квартал. Развесёлый и разгульный. Драки там сам усмирять будешь. Готов к этому, уважаемый коллега?

– Что за чепуха, Клара!.. А вообще – я об этом только что хотел сказать, – с изрядным раздражением возразил Ричард. – Дорогая, всё это легко решить.

Право слово, смешно и слышать!

– Я тебе не дорогая и нет, это отнюдь не смешно! – железным голосом отчеканила Клара Хюммель. – Мне вот – совсем не смешно! Знаю я, на что и мои парни способны, и твои, и разнимать их желанием не горю совершенно! В драки кабацкие лезть – благодарю покорно! Или ты уже и особую стражу придумал создать, Дик? Ну и девочек в весёлые дома кто-то отбирать должен!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/voyna-angelov-velikaya-pustota>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)